

ХЕЛЕН РАППАПОРТ

*Дневники
княжон Романовых*

ЗАГУБЛЕННЫЕ ЖИЗНИ

Россия на переломе. Книги о поворотных моментах истории

Хелен Раппапорт

**Дневники княжон Романовых.
Загубленные жизни**

«ЭКСМО»

2014

УДК 929(47)
ББК 63.3(2)6-8

Раппапорт Х.

Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни /
Х. Раппапорт — «Эксмо», 2014 — (Россия на переломе. Книги о
поворотных моментах истории)

ISBN 978-5-04-192037-1

Международный бестселлер историка Хелен Раппапорт — уникальная биография о частной жизни дочерей последнего русского императора. Что значит родиться в династии Романовых? Повседневная жизнь четырех дочерей Николая II разрушает все романтические представления о пышности царского двора. Рожденные императрицей в отчаянной надежде подарить стране наследника престола, великие княжны и после рождения брата стали заложницами его болезни. Стремясь скрыть состояние цесаревича Алексея, семья Николая II вела затворнический образ жизни — что напрямую отразилось на ее трагичной судьбе. Страна ничего не знала ни о великих княжнах, ни о том, какими семейными людьми были Николай и Александра, лично растившие детей вдали от любой роскоши. Какими были четыре дочери последнего русского царя? Чем интересовались, как проводили время и в кого влюблялись? Какая атмосфера царила внутри семьи Романовых? На основе дневниковых записей княжон и других уникальных архивных материалов историк Хелен Раппапорт воссоздает привычки и занятия, страсти и увлечения девушек. А повседневная жизнь последних Романовых, обрастая новыми красками и подробностями, получает новое прочтение — как история о семейных ценностях и крепости семейных уз. «Что мне всегда нравилось в книгах Хелен Раппапорт, так это то, что они обращаются не только к разуму, но и к сердцу. Она писательница с большим состраданием». — Люси Уорсли, британский историк, писательница, главный хранитель исторических королевских дворцов «Раппапорт демонстрирует в "Дневниках княжон Романовых" энциклопедические знания обо всех мелочах семейной жизни Николая и Александры. Ее книга — это исследование, ярко демонстрирующее

крепость семейных уз». — The Telegraph В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929(47)

ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-04-192037-1

© Раппапорт Х., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Список имен	7
От автора	12
Пролог	14
Глава 1	19
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Хелен Раппапорт

Дневники княжон Романовых.

Загубленные жизни / Хелен Раппапорт

Четыре дочери Николая II были слишком молоды, чтобы о них можно было говорить как об исторических фигурах. У меня было такое ощущение, что после их гибели о них надолго забыли.

Когда я стала собирать материал об их жизни, то поняла, что мне хочется рассказать о внутренней жизни царской семьи, о частной жизни четырех очаровательных существ, ставших невинными жертвами кровавой и беспощадной эпохи.

Я и о Николае и Александре пишу не как о самодержавных правителях, а исключительно как о любящих и любимых родителях. В центре моей книги – семья, семейные отношения и ценности.

ХЕЛЕН РАППАПОРТ,
автор книги

*В память об Ольге, Татьяне, Марии и Анастасии Романовых,
четырех необыкновенных молодых женщинах*

Helen Rappaport

Four Sisters: The Lost Lives of the Romanov Grand Duchesses

Copyright © Helen Rappaport 2014

This edition is published by arrangement with The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd and
The Van Lear Agency LLC

Фотография на переплете: Fine Art Images / Fotodom.

© Мовчан А.Г., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Список имен

Ниже приводятся наиболее часто встречающиеся в тексте имена (в том виде, в котором они, как правило, используются в источниках).

АКШ: сокращение от имени «Александр Константинович Шведов»; офицер собственного Его Императорского Величества конвоя, в которого была влюблена Ольга.

ОТМА: сокращение от инициалов всех имен сестер (Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия), придуманное ими самими.

Александра (Шура) Теглева: Александра Александровна Теглева, няня сестер ОТМА, впоследствии старшая камер-юнгфера; вышла замуж за Пьера Жильера.

Алики: ласкательное имя императрицы Александры Федоровны, данное ей бабушкой, королевой Викторией; использовалось, чтобы отличить ее имя от имени Александры, принцессы Уэльской, которую в британской королевской семье называли Аликс.

Аликс: ласкательное имя, которым Николай называл свою жену императрицу Александру Федоровну.

Алиса: принцесса Алиса Английская, позднее великая герцогиня Гессенская и Прирейнская, мать императрицы Александры Федоровны.

Анна (Нюта) Демидова: Анна Степановна Демидова, комнатная девушка (камер-юнгфера) императрицы Александры Федоровны.

Анна Вырубова: Анна Александровна Вырубова, близкая подруга и доверенное лицо императрицы Александры Федоровны; позже была назначена фрейлиной.

Биби: ласкательное имя Варвары Афанасьевны Вильчиковской, подруги Ольги и Татьяны; медсестра в госпитале во флигеле.

Валентина Чеботарева: Валентина Ивановна Чеботарева, старшая медицинская сестра в госпитале сестер Ольги и Татьяны во флигеле.

Великая княгиня Мария Павловна: Мария Павловна-старшая, жена великого князя Владимира Александровича; была также известна в семье как Михень [*Прим. пер.: урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская*].

Великий князь Георгий: Георгий Александрович, младший брат императора Николая II и наследник престола (царевич); умер в 1889 году.

Великий князь Константин: Константин Константинович, отец Иоанчика [*Прим. пер.: второй сын великого князя Константина Николаевича, внук Николая I*].

Великий князь Михаил: Михаил Александрович, младший брат императора Николая II.

Великий князь Николай: Николай Николаевич [*Прим. пер.: Николай Николаевич (младший)*], дядя Николая, до 1915 года Главнокомандующий русской армии; второй муж Станы [*Прим. пер.: первый сын великого князя Николая Николаевича (старшего), внук Николая I*].

Великий князь Павел: Павел Александрович, дядя Николая; отец Дмитрия Павловича и Марии Павловны (Мари) [*Прим. пер.: шестой сын императора Александра II*].

Великий князь Петр: Петр Николаевич, муж Милицы [*Прим. пер.: второй сын великого князя Николая Николаевича (старшего), внук Николая I*].

Виктор (Витя) Зборовский: Виктор Эрастович Зборовский, любимый офицер Анастасии, офицер [*Прим. пер.: сотник*] царского конвоя.

Владимир (Володя) Кикнадзе: Владимир Кикнадзе, офицер [*Прим. пер.: 3-го лейб-гвардии Стрелкового полка*], лечившийся в госпитале во флигеле, любимый офицер Татьяны.

Волков: Алексей Андреевич Волков, камердинер императрицы Александры Федоровны.

Генерал Мосолов: Александр Александрович Мосолов, начальник канцелярии министерства императорского двора.

Генерал Спиридович: Александр Иванович Спиридович, начальник Киевского охранного отделения; с 1906 года – начальник императорской дворцовой охраны.

Герцогиня Саксен-Кобургская: Мария Александровна, герцогиня Саксен-Кобург-Готская, также герцогиня Эдинбургская [*Прим. пер.: дочь императора Александра II, родная тетя Николая II, мать Марии Румынской и Виктории Мелиты*].

Глеб Боткин: Глеб Евгеньевич Боткин, сын доктора Боткина, последовавший с ним в Тобольск.

Граф Бенкендорф: Павел Константинович Бенкендорф, обер-гофмаршал императорского двора.

Граф Граббе: Александр Николаевич Граббе [*Прим. пер.: генерал-майор свиты*], командир собственного Его Императорского Величества конвоя.

Граф Фредерикс: Владимир Борисович Фредерикс, министр двора и уделов.

Григорий / отец Григорий: Григорий Ефимович Распутин, религиозный наставник царской семьи.

Даки: ласкательное имя принцессы Виктории-Мелиты Саксен-Кобург-Готской, первой жены Эрни, брата императрицы Александры Федоровны [*Прим. пер.: «даки» («ducky») в переводе с английского языка означает «душка»*].

Деревенько: Андрей Еремеевич Деревенько, матрос, дядька Алексея.

Дикки: Людвиг Франциск, принц Баттенбергский, впоследствии лорд Маунтбеттен, двоюродный брат ОТМА.

Дмитрий (Митя) Малама: Дмитрий Яковлевич Малама, находившийся на лечении в госпитале во флигеле, в которого была влюблена Татьяна.

Дмитрий (Митя) Шах-Багов: Дмитрий Шах-Багов, офицер [*Прим. пер.: прапорщик 13-го Эриванского гренадерского полка*], находившийся на лечении в госпитале во флигеле, в которого была влюблена Ольга.

Дмитрий Павлович: великий князь Дмитрий Павлович, двоюродный брат ОТМА [*Прим. пер.: сын великого князя Павла Александровича*].

Доктор Боткин: Евгений Сергеевич Боткин, лейб-медик.

Доктор Гедройц: княгиня Вера Игнатьевна Гедройц, старший хирург Царскосельского дворцового госпиталя [*Прим. пер.: с 1909 года ординатор, с 1914 года главный врач Царскосельского дворцового госпиталя*].

Доктор Деревенко (иногда пишут «Деревенько»: Владимир Николаевич Деревенко, личный врач Алексея (никак не связан с дядькой царевича, матросом Деревенько) [*Прим. пер.: доктор медицины, почетный лейб-хирург*].

Долгоруков: князь Василий Александрович Долгоруков, генерал-адъютант; находился в Ставке вместе с Николаем [*Прим. пер.: генерал-майор, был адъютантом Николая в 1912 году, с 1914 года в должности гофмаршала императорского двора*].

Екатерина (Трина) Шнейдер: Екатерина Адольфовна Шнейдер, гофлектрисса императрицы Александры Федоровны, которая часто выступала в роли наставницы сестер ОТМА.

Елизавета Нарышкина: Елизавета Алексеевна Нарышкина, [*Прим. пер.: урожденная княжна Куракина*], обер-гофмейстерина императрицы Александры Федоровны с 1910 года, самая старшая статс-дама.

Елизавета Оболенская: Елизавета Николаевна Оболенская, фрейлина императрицы Александры Федоровны.

Елизавета Эрсберг: Елизавета Николаевна Эрсберг, камер-юнгфера императрицы Александры Федоровны [*Прим. пер.: помощница няни царских детей А.А. Теглевой*].

Зинаида Толстая: Зинаида Сергеевна Толстая, подруга сестер ОТМА и всей семьи, состоявшая с ними в переписке во время ссылки.

Иван Седнев: Иван Дмитриевич Седнев, лакей при сестрах ОТМА, дядя Леонида Седнева.

Иза Буксгевден: баронесса Софья Карловна Буксгевден, почетная [*Прим. пер.: личная*] фрейлина Александры, была официально утверждена на эту придворную должность в 1914 году.

Иоанчик: князь Иоанн Константинович [*Прим. пер.: первый сын великого князя Константина Константиновича, князь императорской крови*], троюродный брат сестер ОТМА.

Катя: Екатерина Эрастовна Зборовская, сестра Виктора Зборовского, с которой Анастасия постоянно поддерживала переписку в ссылке.

Клавдия Битнер: Клавдия Михайловна Битнер, преподаватель; обучала детей царской семьи в Тобольске, позже вышла замуж за Евгения Кобылинского.

Княгиня Голицына: княгиня Мария Георгиевна Голицына, находилась на должности гофмейстерины императрицы Александры Федоровны до своей смерти в 1909 году.

Кобылинский: Евгений Степанович Кобылинский, начальник Царскосельского караула [*Прим. пер.: и дворцовый комендант, позднее*], комендант губернаторского дома в Тобольске.

Ксения: великая княгиня Ксения Александровна, тетя сестер ОТМА, сестра императора Николая II.

Леонид Седнев: поварской ученик [*Прим. пер.: помощник повара И.М. Харитонов*], находился с царской семьей в Тобольске и Екатеринбурге; племянник Ивана Седнева.

Лили Ден: Юлия Александровна Ден, одна из дам ближайшего окружения императрицы Александры Федоровны в последние годы; официальной должности при дворе не занимала.

Луиза: Луиза, принцесса Баттенбергская, дочь сестры императрицы Александры Федоровны, Виктории; позже королева Швеции Луиза, двоюродная сестра ОТМА.

Мадлен (Магдалина) Занотти: старшая камер-юнгфера императрицы Александры Федоровны, приехавшая с ней из Дармштадта.

Маргаретта Игар [*Прим. пер.: в ряде источников также встречается как Игер*]: гувернантка сестер ОТМА, была освобождена от должности в 1904 году.

Мария (Тюдельс/Тутельс) Тутельберг: Мария Густавовна Тутельберг, камер-юнгфера императрицы Александры Федоровны.

Мария Барятинская: княгиня Мария Владимировна Барятинская, фрейлина императрицы Александры Федоровны.

Мария Васильчикова: Мария Ивановна Васильчикова, фрейлина императрицы Александры Федоровны; была уволена в 1916 году.

Мария Вишнякова (Мэри): младшая няня сестер ОТМА, позднее няня Алексея.

Мария Герингер: Мария Федоровна Герингер, фрейлина императрицы Александры Федоровны [*Прим. пер.: камер-фрау*], отвечавшая в основном за драгоценности императрицы.

Мария Павловна: великая княгиня Мария Павловна, младшая сестра Дмитрия Павловича и двоюродная сестра ОТМА [*Прим. пер.: дочь великого князя Павла Александровича, обычно в семье ее называли Мари*].

Мария Федоровна: вдовствующая императрица Мария Федоровна, мать императора Николая, сестра принцессы Уэльской, позже королевы Александры. В семье ее также называли Минни.

Машка: ласкательное имя Марии в семье.

Милица: черногорская принцесса Милица [*Прим. пер.: дочь короля Черногории Николая I*]; жена великого князя Петра Николаевича.

Мэриэл Бьюкенен: дочь британского посла в Петербурге сэра Джорджа Бьюкенена.

Нагорный: Клементий Григорьевич Нагорный, матрос, дядька Алексея.

Настенька (Анастасия) Гендрикова: [*Прим. пер.: графиня*] Анастасия Васильевна Гендрикова, личная фрейлина императрицы Александры Федоровны.

Настя/Настаська: ласкательное имя Анастасии в семье.

Николай (Коля) Деменков: Николай Дмитриевич Деменков, лейтенант гвардейского экипажа, любимый офицер Марии.

Николай Васильевич Саблин: любимый офицер на яхте «Штандарт»; не имеет никакого отношения к Николаю Павловичу Саблину.

Николай Родионов: Николай Николаевич Родионов, офицер [*Прим. пер.: старший лейтенант гвардейского экипажа*], служивший на яхте «Штандарт», Татьянин любимый партнер по теннису.

Николай Саблин: Николай Павлович Саблин, офицер на яхте «Штандарт» и близкий друг царской семьи; не имеет никакого отношения к Николаю Васильевичу Саблину.

Ольга Александровна: тетя сестер ОТМА, младшая сестра императора Николая.

Оно́р: Элеонора, великая герцогиня Гессенская, урожденная принцесса Сольмс-Гоген-сольмс-Лих, вторая жена Эрни, брата императрицы Александры Федоровны.

Павел Воронов: Павел Алексеевич Воронов, [*Прим. пер.: лейтенант гвардейского экипажа*], офицер на яхте «Штандарт», в которого была влюблена Ольга в 1913 году.

Панкратов: Василий Семенович Панкратов, комиссар, ответственный за охрану царской семьи в Тобольске; был отстранен от этой должности в январе 1918 года.

ПВП: Петр Васильевич Петров, учитель; преподавал сестрам ОТМА русский язык и литературу.

Принцесса Сербская Елена: жена Иоанчика [*Прим. пер.: урожденная принцесса Сербская*].

Пьер Жильяр: швейцарец по происхождению, гувернер; преподавал девочкам французский язык.

Рита Хитрово: Маргарита Сергеевна Хитрово, подруга и коллега-медсестра сестер ОТМА в госпитале во флигеле.

Сандро: великий князь Александр Михайлович, муж Ксении Александровны.

Сергей Мелик-Адамов: офицер [*Прим. пер.: Эриванского полка, лечившийся в госпитале во флигеле*], к которому Татьяна была неравнодушна.

Сидней Гиббс (Сиг): Сидней Чарльз Гиббс [*Прим. пер.: гувернер*], преподаватель английского языка, обучал сестер ОТМА и позже Алексея.

Софья Тютчева: Софья Ивановна Тютчева, почетная фрейлина сестер ОТМА и неофициальная гувернантка; была уволена в 1912 году.

Стана: черногорская принцесса Анастасия [*Прим. пер.: дочь короля Черногории Николая I*]; жена герцога Лейхтенбергского; вступила в новый брак с великим князем Николаем в 1907 году.

Татищев: граф Илья Леонидович Татищев, генерал-адъютант императорской свиты, находился в Ставке с императором Николаем II.

Татьяна Боткина: Татьяна Евгеньевна Боткина, дочь доктора Боткина, последовавшая за ним в Тобольск.

Тора: Елена Виктория, урожденная принцесса Шлезвиг-Голштинская, дочь принца Кристиана Шлезвиг-Голштинского и принцессы Елены (дочери королевы Виктории), двоюродная тетя сестер ОТМА.

Трина Шнейдер: Екатерина Адольфовна Шнейдер, гофлектрисса императрицы Александры Федоровны, которая часто выступала в роли наставницы сестер ОТМА.

Филипп: мэтр или мсье Филипп, Низье Антельм Филипп (Вашо), французский «врачеватель» и спирит-мистик.

Харитонов: Иван Михайлович Харитонов, придворный повар; находился с царской семьей в Тобольске и Екатеринбурге.

Чемодуров: Терентий Иванович Чемодуров (Чемадуров), камердинер императора Николая II.

Швыбзик: прозвище Анастасии, придуманное ей тетей Ольгой, а также имя ее собаки, которая умерла в мае 1915 года.

Шурик: ласкательное имя Александра Шведова.

Эрни: Эрнст-Людвиг, великий герцог Гессенский и Прирейнский, брат императрицы Александры Федоровны [*Прим. пер.: в дневниках Николая II упоминается как «Ерни»*].

От автора

Читатели, знакомые с историей России, знают, что любой автор, принимаясь за работу по дореволюционному периоду, сталкивается с проблемой разницы летосчисления – по юлианскому календарю, который применялся в России до февраля 1918 г., и по григорианскому календарю, который уже в то время использовался в большинстве других стран мира, но в России был принят только 14 февраля 1918 года. С тем, чтобы избежать неточности, все даты, относящиеся к событиям, происходившим в России до этого момента, даны по юлианскому календарю (по старому стилю), разница между датами с григорианским календарем составляет 13 дней. Все события, происходившие в Европе в течение этого периода, о которых сообщается в зарубежной прессе или письмах, написанных за пределами России, приведены по григорианскому календарю (по новому стилю). В тех случаях, когда может возникнуть путаница, указаны даты по обоим календарям или дается пояснение – СС (по старому стилю) или НС (по новому стилю).

Транслитерация русских слов и имен собственных¹ – это источник бесконечной путаницы, расхождений и ошибок восприятия из-за разницы в системах транслитерации. Ни одна система не была официально принята как единственно верная, однако авторов часто жестко критикуют за якобы неправильную транслитерацию. Многие системы излишне педантичны. Некоторые категорически не нравятся простым читателям, не владеющим русским языком. Поэтому я решила отказаться от обозначения мягкого и твердого знаков, которые при транслитерации заменяются апострофом. Такое обозначение, по сути, лишь отвлекает и сбивает с толку. В конце концов я пришла к созданию собственной вариации оксфордской системы транслитерации текстов на славянских языках. Так, например, при передаче имени «Александр» я выбираю английское написание этого имени, чтобы не утруждать читателя понапрасну. Я также стараюсь обойтись без использования отчества, если только этого не требуется, чтобы отличить людей, имена которых совпадают.

Когда я приступила к книге «Четыре сестры», мне пришлось определиться, чем закончить свое повествование, ведь в 2008 году я уже написала книгу «Екатеринбург: последние дни Романовых». В ней подробно рассказывается о последних четырнадцати днях жизни семьи Романовых в Екатеринбурге, в доме Ипатьева. С дотошностью патологоанатома я описала ужасные обстоятельства их убийства и захоронения тел. Повторять эту часть рассказа в новой книге я не буду. Однако это усложняет решение вопроса: в какой момент, на чем закончить повествование на сей раз? Беру на себя полную ответственность за свой выбор и надеюсь, что читатели его одобряют и согласятся с тем, что в эпилоге удалось свести воедино казавшиеся разрозненными самые важные нити повествования.

И самое главное: в своей книге я не намерена как-либо упоминать многочисленных самозванных претенденток на роль то одной, то другой из четырех сестер, якобы чудом выживших в кровавой бойне в доме Ипатьева. Впервые такая самозванка заявила о себе в 1920 году в Берлине. Эта книга не для тех, кто хочет подробнее узнать об Анне Андерсон, более известной под именем Франциски Шанцковской², – о ней написано достаточно много. Есть и сторонники негласной теории (распространению которой я не собираюсь способствовать) о том, что Анастасии или какой-то другой сестре удалось выжить. Они продолжают утверждать это вопреки

¹ Объяснения автором особенностей русской фонетики предназначены для англоязычных читателей. – *Прим. пер.*

² Анна Андерсон, или Франциска Шанцковская, или Анастасия Чайковская (1896–1984) – одна из наиболее известных женщин, выдававших себя за великую княжну Анастасию. – *Прим. пер.*

результатам тщательного и строго научного анализа и тестирования ДНК, которые проводились с 2007 года после недавних находок в лесу у деревни Коптяки³.

Эта книга о *настоящих* сестрах Романовых.

³ В июле 2007 года в районе деревни Коптяки (в 12 км от Екатеринбурга) было обнаружено второе место захоронения останков членов императорской семьи – фрагменты останков двух человек. В июле 2008 года Следственный комитет при Прокуратуре РФ официально подтвердил, что, согласно генетическому анализу, проведенному экспертами в США, обнаруженные останки принадлежат детям Николая II – великой княжне Марии и цесаревичу Алексею. Первое место захоронения было обнаружено в 1991 году, найденные останки девяти человек были идентифицированы как принадлежащие Николаю II, Александре Федоровне, их дочерям Ольге, Татьяне и Анастасии, а также лицам царской свиты, расстрелянным 17 июля 1918 года. – *Прим. пер.*

Пролог

Первое и последнее пристанище

*А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь;
но любовь из них больше.*

Первое послание к Коринфянам, глава 13, стих 13

В тот день, когда Романовых вывезли из Александровского дворца, он превратился в покинутое и заброшенное место, во дворец привидений. В течение предыдущих трех дней семья лихорадочно собирала и упаковывала вещи, готовясь к отъезду. Незадолго до этого Временное правительство Керенского уведомило царскую семью о неизбежной высылке. Дети взяли с собой своих трех собак, но в последний момент оказалось, что кошку Зубровку, беспризорную кошку, которую подобрал цесаревич Алексей, когда был в Ставке, и двух ее котят придется оставить. Цесаревич жалобно просил, чтобы кто-нибудь позаботился о них¹.

Позже, когда во дворец приехала Мария Герингер, старшая фрейлина царицы, которой было поручено присматривать за дворцом после отъезда царской семьи, оголодавшие кошки, как привидения, появились неведомо откуда и набросились на нее, громко мяукая и требуя внимания. Но двери всех сорока комнат дворца были опечатаны, дворцовые кухни закрыты, все было заперто. Только кошки остались в опустевшем Александровском парке, а небольшая горстка людей – все, что осталось от некогда большой семьи, – в это время направлялась за сотни миль отсюда, на восток, в Сибирь.

* * *

После революции 1917 года все, кому было интересно узнать, как и где жила семья последнего императора России, могли поехать в Царское Село, располагавшееся в 15 милях (24 км) от бывшей столицы, и увидеть все своими глазами. Попастъ туда можно было на грязном пригородном поезде или, объезжая многочисленные выбоины, на машине – по прямой, как стрела, старой Царской дороге, которая была проложена через низину с полями и невысокими лесами. Когда-то Царское Село считалось «русским Версалем», но в последние дни царской империи здесь повеяло грустью, своего рода «имперской тоской», как выразился один из бывших обитателей Царского Села². К началу 1917 года, спустя почти 200 лет со времени, когда царица Екатерина I отдала приказ о строительстве Царского Села, оно уже как бы предчувствовало собственную неизбежную и скорую кончину.

Советская власть поспешила избавить Царское Село от императорских регалий, переименовав его в Детское Село. Оно расположено на возвышенности, вдали от болотистых берегов Финского залива. Чистый воздух, упорядоченная сеть прямых широких аллей в регулярном парке – идеальное место для активных физических упражнений. Александровский парк был преобразован в центр спорта и отдыха, где будет подрастать поколение здоровых молодых граждан для нового коммунистического общества. Однако прошло некоторое время, прежде чем коммунизм наложил свой отпечаток и на сам городок, который оставался по-прежнему маленьким, аккуратным, в основном деревянной застройки. За скромной рыночной площадью, окружая два императорских дворца, простирались ряды парадных летних резиденций русской придворной аристократии. Их когда-то легендарные обитатели – теперь уже исчезнувшие старинные русские фамилии Барятинских, Шуваловых, Юсуповых, Кочубеев – давно покинули их, дома были реквизированы советской властью и стали рушиться, заброшенные и приходящие в упадок³.

Незадолго до революции композиционным центром этого приятного и тихого городка был изящный золотисто-желтый Александровский дворец с белыми коринфскими колоннами. Однако в прежние века еще более великолепным был расположенный по соседству Екатерининский дворец, его золоченый барочный блеск привлекал всеобщее внимание. Но в 1918 году оба дворца были национализированы и превращены в наглядные примеры «эстетического разложения последних царей династии Романовых»⁴. В июне парадные залы, расположенные на первом этаже Александровского дворца, после полной и тщательной инвентаризации открывались для публики. Люди платили 15 копеек, чтобы поглазеть на изысканную обстановку, в которой жил их бывший царь. Но что же они видели в царских покоях? Дворец последнего Императора Всея Руси⁵ поражал не роскошью, а скорее необычайной простотой. Интерьеры царской резиденции были оформлены, по меркам бывших имперских стандартов, с неожиданной скромностью – пожалуй, как обычная публичная библиотека, или столичный музей, или загородный дом семьи среднего достатка. Но для семьи Романовых Александровский дворец был их домом, который они все очень любили.

По воскресеньям, средам и пятницам политически зрелые граждане страны освобожденного пролетариата могли прогуляться по залам дворца, «с хрустом грызя яблоки или жуя бутерброды с икрой». Иногда во дворец решались заглянуть отважные иностранные туристы. Все посетители должны были в обязательном порядке облачиться в уродливые войлочные тапки поверх своей обуви, чтобы не повредить прекрасный, натертый воском паркет⁶. Затем служители водили их по залам царской резиденции, зачастую сопровождая экскурсию презрительными комментариями насчет бывших обитателей дворца. Тщательно проинструктированные экскурсоводы старательно, не жалея красок, описывали мелкобуржуазный вкус последнего русского царя и его жены. По их утверждению, вышедшая из моды мебель в стиле модерн, дешевые устаревшие олеографии и сентиментальные фотографии, английские обои, обилие безделушек (преимущественно самых обычных, фабричного производства) на каждой полке или століке – все это напоминало «типичный кабинет английского или американского пансионата» или же «второсортный берлинский ресторан»⁷. Любое упоминание о самих бывших обитателях этого дома было изъято из бойких речей советского персонала как пережиток прошлого, не имеющий исторического значения.

Проходя по анфиладам комнат, в дверях которых стояли восковые изваяния лакеев в алых и золотых ливреях, посетители не могли избавиться от странного ощущения, что Николай II был не деспотичным правителем, как его расписывали, а обыкновенным человеком, семьянином, у которого в кабинете и библиотеке, где он принимал своих министров и обсуждал с ними важные государственные дела, повсюду были расставлены фотографии его детей в разном возрасте, от младенчества и до совершеннолетия: дети с собаками, на пони, в снегу, на берегу моря. Счастливая семья, улыбаясь, снималась на любительскую фотокамеру «Кодак» коробочного типа, которую она повсюду брала с собой. Даже в личном кабинете царя был специальный стол и стул, где его тяжелобольной сын мог бы посидеть с ним, пока отец работал. «Святая святых» царской, ныне свергнутой, власти выглядела в высшей степени непритязательно, по-домашнему просто и была окутана духом чадолюбия. Неужели это и в самом деле последний домашний очаг «Николая Кровавого»?

Личные покои царя и царицы, состоявшие из соединенных между собой отдельных комнат, были еще одним свидетельством всепоглощающей триединой страсти, которая владела обитателями этих комнат: взаимной любви друг к другу, любви к своим детям и глубокой христианской веры. Их спальня с обоями и шторами английского ситца была больше похожа на русский православный храм, чем на будуар, так много икон было там. Две скромные железные кровати, какие можно увидеть во «второразрядной гостинице», по наблюдению одного американского посетителя в 1934 году, были сдвинуты вместе и поставлены в завешенный тяжелым

пологом альков. А вся стена за ним от пола до потолка была увешана образами, распятиями и «простенькими, дешевыми иконками в убогих жестяных окладах»⁸. Каждая полочка и столик в личной гостиной царицы были уставлены всяческими безделушками, фотографиями детей и ее милого Ники. Личных вещей царицы там находилось на удивление мало, и это были самые обыденные предметы, необходимые в быту, такие, как золотой наперсток, швейные принадлежности и ножницы для рукоделия, а также дешевые игрушки и безделушки: «фарфоровая птичка и игольница в форме тувальки, незатейливые вещицы, которые могли бы подарить дети»⁹.

Дальше по коридору, ведущему в сад, располагалась гардеробная Николая, где в шкафах были развешаны аккуратно выглаженные царские мундиры. По соседству с гардеробной находилась большая библиотека с застекленными шкафами, полными французских, английских и немецких книг в переплетах из тонкой марокканской кожи. Книги были расставлены по полкам в продуманном, строгом порядке. По вечерам царь часто читал их вслух своей семье. Многих посетителей удивляло то, что они видели в Зале с горкой, расположенном далее. Этот зал, первоначально один из парадных залов, расположенных на первом этаже дворца, был превращен в игровую комнату для цесаревича Алексея. В центре этого элегантного зала, отделанного цветным мрамором, с кариатидами и зеркалами, стояла большая деревянная «американская горка»¹⁰ – на ней с удовольствием катались дети предыдущих царей. Во время царствования Николая она по-прежнему занимала почетное место в зале. Кроме того, были там и любимые игрушки цесаревича Алексея: три модели легковых автомобилей. Возле двери, ведущей в сад, горьким напоминанием о трагедии, которая устанавливала свои правила в жизни последней русской императорской семьи, стояло «небольшое инвалидное кресло-коляска» цесаревича Алексея, «обитое красным бархатом». Во время жестоких приступов гемофилии, которые случались нередко, цесаревич был прикован к креслу, и бархат обивки до сих пор сохранил контуры его тела¹¹.

Два пролета каменной лестницы вели наверх в опустевшие комнаты детей. И там тоже, в большой игровой комнате обожаемого цесаревича Алексея, было множество деревянных и механических игрушек: музыкальная шкатулка, игравшая «Марсельезу», книги с картинками, коробки с кубиками, настольные игры и ряды его любимых оловянных солдатиков. Печальным стражем стоял у дверей большой плюшевый медведь¹² – один из последних, еще довоенных, подарков от кайзера Вильгельма. В примыкающей к игровой личной ванной комнате цесаревича посетители часто сочувственно вздыхали, глядя на «многочисленные устрашающего вида хирургические инструменты» – зажимы и «холщовые и кожаные приспособления для фиксации и поддержки ног, рук и тела», которыми приходилось пользоваться, когда после очередного кровотечения цесаревич совсем ослабевал¹³.

Дальше по коридору, в скромных, не в пример внушительным апартаментам цесаревича, комнатах (словно подчеркивая значимость Алексея по сравнению с князьями в глазах народа) располагались спальни, классные комнаты, столовые и гостиные его четырех старших сестер – Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии. Их светлые и просторные спальные комнаты были обставлены простой, выкрашенной в кремовый цвет полированной мебелью лимонного дерева, на окнах висели занавески английского ситца¹⁴. В спальне младших сестер, Марии и Анастасии, розовые обои были украшены трафаретным фризом из розовых роз и бронзовых бабочек. Этот декор выбрали сами девочки. В комнате Ольги и Татьяны узор фриза был другим: цветы выюнка и коричневые стрекозы. На одинаковых туалетных столиках девочек расставлены коробочки, футляры для украшений, маникюрные наборчики, лежат расчески и щетки, – так же, как они их здесь оставили¹⁵. В других комнатах на письменных столах стопки тетрадей с разноцветными обложками, и везде, где только можно, множество фотографий семьи и друзей. Среди

всех этих характерных и незначительных предметов жизни девушек нельзя не заметить, что во всех комнатах сестер обязательно есть иконки, недорогие гравюры и фотографии на религиозные темы. На тумбочках у кроватей лежат Евангелие и молитвенники, вместо обычных девичьих безделушек поставлены распятия и свечи¹⁶.

В шкафах оставалось много одежды девушек, шляп, зонтиков и обуви. Остались и мундиры, в которых старшие сестры с такой гордостью гарцевали бок о бок, сидя в дамских боковых седлах, на большом военном параде во время торжественных празднований трехсотлетия дома Романовых в 1913 году. Осталась даже их детская одежда и крестильные платья. В Сибири им были ни к чему их изысканные парадные одежды: четыре платья из розового атласа с серебряным шитьем, к ним в комплект головные уборы – кокошники из розовой парчи, а также четыре летних шляпки с широкими полями, поэтому все это было аккуратно уложено в коробки. Снаружи в коридоре стояли наполовину собранные чемоданы и корзины с девичьими вещами – то, что собирались взять с собой в последнюю поездку, но так и не взяли.

Стол в детской столовой, как и раньше, был накрыт фарфоровой посудой с монограммами Романовых – так, словно он подготовлен для следующего обеда или ужина. «Кажется, что дети играют где-то там, в саду, – написал один из посетителей в 1929 году, – но в любой момент могут вернуться»¹⁷. Однако парк, простирающийся за высокой чугунной решеткой, окружающей дворец, пришел в запустение: когда-то аккуратные, ровные липовые аллеи заросли, из мягкого подлеска с обеих сторон дорожек выглядывали сибирские лютики, «большие, махровые и ароматные, как розы», весной было много анемонов и незабудок¹⁸. Сам дворец еще поддерживали в сохранности как исторический памятник, но когда-то превосходный парк уже зарос сорняками, местами трава была по пояс. Длинные аллеи, укрытые зеленью крон, где царские дети некогда играли, катались на пони и велосипедах; ровные каналы, по которым они плавали на лодке со своим отцом; маленький бело-голубой расписной домик для игр на Детском острове – там всегда росло много ландышей, а рядом с домиком было маленькое кладбище, где дети хоронили своих питомцев... Все вещи и места, так или иначе связанные с этими людьми, которых больше нет, несли печать заброшенности и запустения.

* * *

Александровский дворец был когда-то резиденцией ныне преданных анафеме «бывших», ликвидированных революцией как класс, о которых простые люди, чем дальше, тем больше, опасались даже упоминать. Однако, как говорил преданный хранитель дворца, совсем уничтожить здесь неуловимый «аромат той эпохи» так и не удалось. Во дворце продолжало медово пахнуть пчелиным воском, которым натирали паркет, и запах марокканской кожи, в которую переплетены многие тома в царской библиотеке, все еще витал в воздухе, как и слабый аромат розового масла в лампадах в спальне царицы. Так было вплоть до Второй мировой войны, когда немецкое военное командование заняло дворец и практически уничтожило его¹⁹.

В довоенные времена экскурсии по залам царской резиденции завершались в расположенном вдоль садового фасада дворца центральном Полукруглом зале, где царь когда-то проводил официальные приемы и обеды для высокопоставленных гостей. Здесь во времена Первой мировой войны семья собиралась вместе субботними вечерами, чтобы посмотреть фильм. И в последний вечер, 31 июля – 1 августа 1917 года, семья Романовых несколько длинных, томительных часов терпеливо дожидалась здесь, когда им принесут окончательное распоряжение покинуть свой дом навсегда – момент, которого они ждали и боялись одновременно.

Известие о скорой высылке пришло за четыре дня до этого. И четыре дня подряд сестрам пришлось с болью в сердце решать, что из всего своего драгоценного достояния – множества альбомов с фотографиями, писем друзей, одежды, любимых книг – следует взять с

собой. Им пришлось оставить кукол, которыми играли в детстве, аккуратно рассаженных по миниатюрным креслам и диванчикам, пришлось оставить и другие дорогие сердцу игрушки и памятные вещицы, в надежде, что те, кто придут сюда, тоже отнесутся к ним с любовью²⁰. Согласно легенде, именно через центральные двери Полукруглого зала Екатерина Великая впервые вошла во дворец в 1790 году со своим двенадцатилетним внуком, будущим императором Александром I. Это произошло, когда дворец, построенный по ее указанию, а позже подаренный ею внуку, был завершен. Вскоре после восхода солнца 1 августа 1917 года, 127 лет спустя, семья последнего императора России, миновав гулкий, эхом откликавшийся на каждый шаг зал с полукружьем окон, через те же застекленные двери навсегда покинула этот дворец, творение великого итальянского архитектора XVIII века Джакомо Кваренги. Снаружи их уже ждали машины, чтобы увезти в неизвестное будущее за 1341 миллю (2158 км) отсюда в Западную Сибирь, в Тобольск.

Четыре сестры Романовы, похудевшие после перенесенной в начале того года кори, безутешно плакали, покидая дом, где они провели столько счастливых дней своего детства²¹. Мария Герингер говорила, что после того, как их увезли, она еще надеялась, что с ними все будет хорошо. Удрученная сценой расставания, она твердила себе, что девушкам, может быть, повезет и где-нибудь в ссылке они встретят достойных простых людей, выйдут за них замуж и будут счастливы. Мария и другие верные слуги и друзья царской семьи, оставшиеся во дворце, сохранили память об этих четырех очаровательных сестрах в более счастливые времена, память об их большой доброте, о совместных радостях и горестях. И воспоминания о «смеющихся лицах сестер под широкими полями украшенных цветами шляп» будут сопровождать их в течение долгих мертвящих лет коммунизма²². Так же, как и память об их жизнерадостном брате, чья болезнь в любой миг могла прервать его дни, но запугать его так и не смогла. И всегда где-то рядом с этими детьми в их воспоминаниях присутствовала женщина, главной чертой которой, ставшей, как ни странно, роковой для всех них, была ее неугасимая материнская любовь.

Глава 1

Материнская любовь

Жили-были когда-то четыре сестры: Виктория, Элла, Ирэна и Аликс. Они родились в маленьком княжестве на юго-западе Германии, извилистые мощеные улочки и темные леса которого прославили в своих сказках братья Гримм. И вот настало время, когда четыре принцессы, дочери герцога Гессенского и Прирейнского, по мнению многих, стали «лучшими бутонами в цветнике внушек королевы Виктории», прославившись своей красотой, умом и обаянием¹. Повзрослев, они стали объектом пристального внимания в той сфере международных отношений, которая таит в себе больше всего неожиданностей и риска, – на королевской ярмарке невест Европы. Несмотря на отсутствие большого приданого или обширных владений, каждая сестра, в свою очередь, удачно вышла замуж. Но к самой младшей и самой прекрасной из всех четырех судьба была наиболее благосклонна.

Четыре гессенские сестры были дочерьми принцессы Алисы, второй дочери королевы Виктории, и ее мужа, великого герцога Людвига, наследника великого герцога Гессенского. В июле 1862 года, после церемонии венчания Людвига и Алисы, которая прошла в Осборн-хаусе, летней резиденции английской королевской четы, молодая жена, которой в тот момент было всего девятнадцать лет, покинула Англию в глубоком трауре по своему недавно умершему отцу принцу Альберту. По стандартам династических браков того времени, это был скромный выбор для дочери королевы Виктории, но он добавил еще один штрих в сложный рисунок брачных союзов между двоюродными и троюродными братьями и сестрами европейских королевских домов. В течение своего долгого правления королева Виктория устроила браки всех своих девяти детей и уже в пожилом возрасте, немного навязчиво, продолжала принимать участие в обсуждении браков их детей и даже внуков, желая обеспечить для них пару соответственно их королевскому статусу. Принцесса Алиса могла бы претендовать и на более блестящую партию, если бы она не влюбилась в герцога Людвига из заштатного европейского княжества. По сравнению с другими королевскими и герцогскими владениями Гессенское и Прирейнское княжество было относительно небольшим, оно постоянно испытывало финансовые трудности и не имело практически никакого политического веса. «Среди английских дворян есть такие, которые могли бы обеспечить Алисе гораздо больший доход, чем тот, что выпадает теперь на долю принцессы», – говорилось в одной из газет того времени. Земля Гессен-Дармштадтская была «простой страной, сельской и старомодной», придворная жизнь в княжестве была очень непритязательной. Страна была красива, но ее история до сих пор оставалась ничем не примечательной².

Столица княжества, город Дармштадт, была окружена поросшими дубравами холмами Оденвальда, обозначенными в знаменитом туристическом путеводителе Бедекера как место, не имеющее особенного значения³. Другой путешественник того времени назвал Дармштадт «самым скучным городом Германии», местом, «расположенным на перекрестке дорог», и не более того⁴. Город был построен по единому плану: длинные прямые улицы, традиционные дома, в которых жили «упитанные бюргеры и довольные жизнью домохозяйки». Неподалеку протекала река Дармбах. В целом «впечатление полного отсутствия всякой жизни» в столице придавало городу «сонный вид»⁵. Более старая, средневековая часть города была чуть более оживленной и имела некоторое своеобразие, но, помимо княжеского дворца, оперы и общественного музея, где в изобилии были представлены кости доисторических животных, немного могло вывести город из сонной неподвижности, которой была пропитана придворная атмосфера Дармштадта.

По прибытии туда принцесса Алиса впала в подавленное состояние. Несмотря на авторитаризм традиционного английского воспитания, она выросла в достаточно либеральной атмосфере благодаря отцу, принцу Альберту. Алиса была любимицей отца, она росла счастливой и жизнерадостной девочкой⁶. Однако день ее свадьбы был совершенно омрачен недавней преждевременной смертью отца и видом сокрушенной горем матери. Яркие впечатления промелькнувшего слишком быстро детства вскоре потускнели из-за неизбежной разлуки с любимыми братьями и сестрами, особенно с братом Берти. Все это усугубляло охватившее ее чувство потери. Принцесса прониклась глубокой грустью, и впоследствии ничто не смогло развеять эту грусть до конца.

Новая жизнь в Гессене не предвещала ничего выдающегося. Старый порядок, которому там следовали, не позволял умным, дальновидным женщинам, таким как Алиса, проявить себя⁷. Здесь ценилась только добродетельность и тихая семейная жизнь. Алису тяготили обременительные и устаревшие правила Гессенского придворного протокола. С самого начала она страдала от невозможности с пользой применить свои недюжинные способности и интеллект. Восхищаясь Флоренс Найтингейл⁴, Алиса тоже хотела, как и та, исполнять обязанности медсестры. У нее даже была такая возможность в 1861 году во время последней болезни отца, и Алиса показала, что неплохо владеет навыками ухода за больными. Но поскольку здесь заняться этим было невозможно, были и другие направления деятельности, посвятив себя которым, Алиса была полна решимости стать полезной для своей новой семьи и страны.

С таким намерением Алиса занялась различными благотворительными мероприятиями. Это были и регулярные посещения больницы, и усилия по обеспечению здоровья женщин, в частности, содействие созданию Гейденрейхского дома для беременных в 1864 году. Война с Пруссией 1866 года и первая война с Францией 1870 года вывели Дармштадт из сонного забытья, и мужу Алисы пришлось принять в них участие. Алиса наотрез отказалась от предложения укрыться на время военных действий в Англии, вместо этого она предпочла полностью взять на себя заботу о детях. Но этого было недостаточно с точки зрения ее обостренного социального сознания. Во время обеих войн Алиса занималась организацией ухода за ранеными в госпиталях и основала женскую организацию «Frauenverein» («Женский союз») для подготовки медсестер. «Жизнь, – решительно сформулировала Алиса важную для нее идею в письме к матери в 1866 году, – дана нам для работы, а не для увеселений»⁸. Понятие долга, которому была подчинена вся жизнь ее отца, стало жизненным кредо и для дочери.

Алиса родила одного за другим семерых детей с таким же стоицизмом, с которым ее мать родила собственных девятирех. Но на этом сходство и кончилось. В отличие от королевы Виктории принцесса Алиса действительно сама лично занималась детьми, принимала участие во всем, что было связано с повседневной жизнью ее детей, вплоть до ведения счетов по расходам, связанным с ними. И, как и ее старшая сестра Вики, к немалому неудовольствию королевы Виктории, которая испытывала «непреодолимое отвращение к этому процессу», Алиса настаивала на том, чтобы самой кормить грудью нескольких своих детей. Это дало повод королеве впоследствии назвать одну из племенных коров в Виндзоре Алисой⁹. Кроме того, Алиса изучала анатомию человека и уход за детьми, готовясь к необходимости выхаживать свое потомство во время неизбежных детских болезней. Казалось, нет пределов ее материнской преданности, но Алиса не баловала детей. Им выдавали только шиллинг в неделю на карманные расходы, после конфирмации эта сумма удваивалась. Подобно королеве Виктории, Алиса была сторонницей умеренности, хотя в ее случае экономия часто становилась вынужденной. Гессенский княжеский дом был далеко не богатым, Алисе пришлось узнать, что такое «тиски нужды»¹⁰. Однако в Новом дворце, построенном в 1864–1866 годах на деньги из ее приданого, Алиса

⁴ Флоренс Найтингейл (1810–1910) – сестра милосердия и известный общественный деятель Великобритании. – *Прим. пер.*

создала теплую уютную обстановку, подчеркнутую ситцевой обивкой мебели и безделушками из Англии и множеством семейных портретов и фотографий.

6 июня 1872 года родилась принцесса Аликс, шестой ребенок в семье и будущая императрица России. Это была хорошенькая, улыбчивая, с ямочками на щеках девочка, которая очень любила играть. В семье ее называли «Солнышко», бабушка с самого начала считала ее «золотым ребенком». Алики «такая красивая... самый красивый ребенок, какого я видела» – так думала королева Виктория и даже не пыталась скрывать свою привязанность к любимице¹¹. Хотя принцесса Алиса гораздо более активно участвовала в воспитании своих детей, чем многие другие матери королевских кровей, различные социальные и благотворительные проекты отнимали у нее много времени, и руководить повседневной жизнью ее детей была приглашена англичанка миссис Орчард, старшая медсестра.

Жизнь в скромно обставленной детской дворца в Дармштадте была устроена в строгом соответствии с незыблемыми викторианскими ценностями: долг и доброта, скромность и чистота, опрятность и умеренность. Кормили детей сытно, но без всяких кулинарных изысков, дети много бывали на свежем воздухе (независимо от погоды), подолгу гуляли, часто катались на пони. Когда позволяло время, Алиса гуляла с ними сама, беседовала с детьми, учила их рисовать, одевала их кукол, пела и играла с ними на фортепиано, хотя маленькие пальчики иногда, как она со смехом жаловалась, вдруг просовывались под ее руками на клавиатуру, как будто играя на фортепиано, «как взрослые»¹². Алиса учила своих дочерей быть самостоятельными, не считала нужным их баловать. Их игрушки, привезенные из Осборна и Виндзора, были весьма скромными. Свободные часы девочек всегда были заняты чем-то, что мать считала полезным: их учили печь, вязать или же какому-нибудь другому ремеслу или рукоделию. Они сами прибирали свои постели и приводили в порядок свои комнаты, а также, конечно, в обязательном порядке регулярно писали письма Дорогой Бабушке и ежегодно ездили к ней в гости в замки Балморал, Виндзор или Осборн. Другие места, куда они ездили все вместе, были намного скромнее: например, в небольшой бельгийский городок Бланкенберге, где на безлесных, продуваемых всеми ветрами Северного моря берегах они катались на ослике, плескались, возились на мелководье и строили замки из песка. Иногда ездили в Шлосс-Краништайн, старинный, семнадцатого века, охотничий домик на окраине Оденвальда.

Религиозным и нравственным воспитанием детей принцесса Алиса занималась лично и старалась привить им высокие идеалы. Самым большим ее желанием было, чтобы они «вынесли из своих детских лет в кругу семьи лишь воспоминания о любви и счастье и чтобы это помогло бы им в битве жизни»¹³. Подготовка к участию «в битве жизни» означала, что детей учили понимать и относиться с уважением к страданиям бедных и больных. Каждую субботу и на Рождество дети навещали больных, посещали больницы с охапками цветов в руках. При этом сама Алиса чем дальше, тем больше страдала от хронических болей: ревматизма и невралгии, головной боли и общего истощения, к которому привело ее деятельное участие в слишком многих важных и достойных начинаниях. Последний ребенок в семье, Мей (Мария) родилась в 1874 году, спустя два года после рождения Аликс, но к этому времени семейная идиллия безоблачного счастья в Дармштадте уже закончилась.

Мрак отчаяния навис над семьей в 1872 году, когда у второго сына Алисы, Фритти, в возрасте двух лет впервые были обнаружены бесспорные признаки гемофилии. Жизнь его крестного отца, четвертого сына королевы Виктории, Леопольда, также была омрачена этой болезнью. А всего лишь год спустя, в мае 1873 года, умного и жизнерадостного мальчика, в котором Алиса просто души не чаяла, не стало. Он умер от внутреннего кровотечения после того, как выпал из окна на первом этаже с высоты примерно 20 футов (около 6 м). После этого Алиса погрузилась в бесконечную тоску, вызванную болью утраты, – чувство, столь знакомое ее рано овдовевшей матери. Так, скорбь об ушедших и тяжкий крест испытаний и несчастий вместо

радостей жизни вошли в жизнь и молодого поколения этой семьи. «Дай Бог нам всем перейти в мир иной так же мирно, без боли и страданий, и оставить по себе такой же светлый и полный любви образ», – писала Алиса матери после смерти Фритти¹⁴.

После того как не стало одного из ее «прекрасной пары» мальчиков, между первым сыном, Эрни, которого тоже впоследствии всю жизнь не покидало горькое чувство утраты любимого брата, и следующим ребенком в семье, Аликс, образовался разрыв в четыре года¹⁵. Три ее старшие сестры, подрастая, неизбежно отдалялись от нее, и Аликс инстинктивно стремилась к своей младшей сестре. Они стали всегда играть вместе. Со временем принцесса Алиса стала находить большое утешение в своих «двух малышках». Они были «такие прелестные, такие милые, веселые и хорошие. Я даже не знаю, какая из них милей, – писала она королеве Виктории, – они обе такие очаровательные»¹⁶. Аликс и Мей действительно были утешением матери, но после смерти Фритти глаза Алисы уже не сияли, как раньше, а ее здоровье пошатнулось. Временами, когда они с мужем испытывали отчужденность, Алиса пребывала в состоянии неизбывной тоски и физического истощения. «Я сейчас ни на что не гожусь, – писала она матери. – Я целыми днями лежу на диване и ни с кем не вижусь»¹⁷. Ее супруг, герцог Людвиг, стал великим герцогом Гессенским в 1877 году, а сама Алиса получила титул великой герцогини, но это не принесло ей ничего, кроме огорчения новыми тягостными обязанностями, которые будут на нее возложены. «От меня требуется слишком много, – делилась она с матерью. – Мне придется во многом принимать участие. Я не смогу долго это выносить»¹⁸. Только вера и преданность своим горячо любимым детям поддерживали в Алисе огонь жизни, однако состояние обреченности, в котором пребывала мать, не могло не повлиять на впечатлительную Аликс.

В ноябре 1878 года эпидемия дифтерии не обошла стороной и семью герцога Людвиг Гессенского. Первой заболела Виктория, затем Аликс, за ними – все остальные дети, кроме Эллы, затем заболел и отец. Алиса самоотверженно ухаживала за каждым из них по очереди, но даже ей с превосходными сестринскими знаниями и умениями не удалось вывести маленькую Мей, которая умерла 16 ноября. Провожая на похоронах гроб с телом дочери, Алиса была на пределе своих сил. Однако в течение двух следующих недель она изо всех сил старалась уберечь других детей от известия о смерти сестренки. Однако когда эта страшная новость все-таки стала им известна, Алиса, утешая, поцеловала Эрни. Этого оказалось достаточно для передачи инфекции, и Алиса заразилась дифтерией. Дети уже начали выздоравливать, но у Алисы не было сил сопротивляться болезни, и 14 декабря, в возрасте тридцати пяти лет, она умерла, воссоединившись наконец с обожаемым Фритти.

Это был страшный удар для шестилетней Аликс: в считанные дни потерять и мать, и свою любимую сестру и подружку. Аликс пришлось также расстаться со всеми любимыми игрушками и книгами: из опасения, что на чем-то могли остаться бактерии инфекции, все это было уничтожено. Ближе всего к Аликс по возрасту был Эрни, но теперь его воспитывали отдельно. Как наследник престола, он находился под постоянным присмотром наставников, и Аликс было совсем одиноко. Ее старшая сестра Виктория в письме бабушке вспоминала прежние счастливые времена: «Мне иногда кажется, будто это было только вчера – мы все играли, возились с Мей в маминой комнате после чая. А теперь мы вдруг стали взрослыми, все, даже Аликс. Она серьезна и разумна, и в доме теперь часто очень тихо»¹⁹.

Бабушке, а также надежной и умеющей утешить миссис Орчард (Аликс звала ее Орчи) и гувернантке Маджи (мисс Джексон) удалось в какой-то степени заполнить ту страшную пустоту в душе ребенка, которая осталась после смерти матери, но чувство невосполнимой утраты и одиночества было очень глубоким. Ее прежде лучезарный нрав стал постепенно меркнуть, вместо него появилась замкнутость, необщительность, погруженность в свои мысли. Позднее это проявилось в стойком недоверии к незнакомым людям, которое с годами лишь укорени-

лось. Королеве Виктории очень хотелось заменить девочке мать, ведь Аликс всегда была одной из ее самых любимых внучек. Аликс вместе со своими сестрами и братом каждый год бывала в Англии, особенно осенью в Балморале, это было большим утешением для королевы Виктории в ее одиноком вдовстве. Кроме того, эта постоянная близость позволяла бабушке следить за образованием Аликс: воспитатели девочки регулярно отправляли королеве отчеты о ее успехах. Да и сама Аликс, пожалуй, с удовольствием играла роль «очень любящего, преданного и благодарного ребенка», как так часто подписывала свои письма к ней. Девочка никогда не забывала поздравить бабушку с днем рождения или юбилеем, часто посылала ей вышивку или другие подарки, сделанные своими руками, причем весьма искусно²⁰. После смерти матери Англия стала для нее вторым домом.

* * *

Принцессу Алису всегда глубоко волновало будущее ее дочерей, она хотела воспитывать их не только как будущих жен. «Жизнь имеет смысл и без замужества», – сказала она как-то своей матери. Выходить замуж только ради того, чтобы не остаться незамужней, было, по ее мнению, «одной из величайших ошибок, которую может совершить женщина»²¹. Принцесса Аликс Гессенская подрастала, стала красивой юной девушкой. Однако лучшее, на что могла бы рассчитывать небогатая невеста, чтобы избавиться от беспросветно скучной жизни в провинциальном Дармштадте, был брак с каким-нибудь второразрядным европейским князьком.

Все круто изменилось после первой поездки Аликс в Россию в 1884 г. на свадьбу своей сестры Эллы и великого князя Сергея Александровича. Троюродный брат Аликс, Николай Александрович, наследник российского престола, увлекся ею. Ему было шестнадцать, а ей тогда было только двенадцать лет, но после этой встречи Ники, как она впоследствии называла его, остался навсегда ею очарован. Пять лет спустя, когда великий герцог Людвиг снова привез Аликс на полтора месяца в Россию, Ники был по-прежнему полон упрямой решимости добиться, чтобы Аликс стала его женой. К тому времени застенчивая школьница превратилась в стройную, утонченной красоты девушку, и Ники влюбился в нее без памяти. Но в 1889 году, незадолго до поездки в Россию, Аликс прошла конфирмацию в лютеранской церкви. Она ясно дала понять Ники, что, несмотря на глубокие чувства к нему, об их браке не могло быть и речи. Христианская добродетель была превыше всего. Она не могла и не хотела менять свою религию, но все-таки согласилась втайне отвечать на его письма. Посредником в этой тайной переписке была Элла.

Для девушек-невест в королевских браках в то время многое было поставлено на карту, и выбор был небольшим: если не успеть воспользоваться подвернувшейся блестящей возможностью, второго такого случая могло и не представиться. Как писала тогда одна из газет, «любовь в королевских кругах – это не внезапно вспыхнувшее чувство»²². Казалось, что нестигаемость Аликс в вопросе веры могла лишить ее того, что многие из ее молодых современников королевских кровей так жаждали, – брака по любви, а не по расчету. Несчастный отвергнутый Ники считал, что пропасть между ними непреодолима, и позволял себе на время увлечься другими хорошенькими личиками. Аликс, в свою очередь, наслаждалась статусом в известной степени важной персоны у себя в Гессене, как крупная рыба в маленьком пруду. Ее овдовевший отец, которого она обожала, все больше и больше доверял ей как единственной незамужней дочери исполнение различных официальных придворных обязанностей Гессенского герцогского двора. Аликс постоянно сопровождала его, а то немногое время, которое она не находилась при нем, она посвящала учебе, занималась живописью и графикой, шила и чинила свои скромные платья, играла на фортепиано (и достигла в этом большого совершенства) и много времени проводила в тихом, глубоком религиозном созерцании. Поэтому «дорогая

Алики» была в «ужасном» горе, как сообщала Орчи королеве Виктории, когда в марте 1892 года Людвиг внезапно умер в возрасте всего лишь пятидесяти четырех лет. Хуже всего была эта «безмолвная тоска, которую Аликс держала глубоко внутри, не давая ей выхода», как и многому другому²³.

Обеспокоенная бабушка взяла на себя заботу об осиротевшей внучке и поклялась: «Пока я жива и Алики будет еще не замужем, я больше, чем когда-либо, буду заботиться о ней, как о моем собственном ребенке»²⁴. Аликс приехала к ней в замок Балморал в глубоком трауре, и они провели вместе несколько недель в тихой женской скорби. Однако пресса в это время, не выказывая излишнего почтения к горю в королевской семье, с жаром обсуждала совсем другие темы.

Принцессе Аликс исполнилось двадцать лет, пора было подумать и о замужестве. Появились слухи о ее возможном браке с молодым герцогом Георгом, вторым сыном Берти, принца Уэльского. За три года до этого юная Аликс на удивление решительно пресекла попытки королевы выдать ее замуж за другого наследника Берти – Эдди, герцога Кларенса. Виктория была весьма раздосадована тем, что Аликс, тогда уже влюбленная в Ники, отвергает возможность в будущем стать королевой Великобритании. Аликс осталась последней не выданной замуж из четырех дочерей Гессенского семейства, и ее шансы были далеко не блестящими. «Вероятно, ее можно будет убедить выйти замуж за Георга», – думала королева, особенно после того, как Эдди, к несчастью, умер от пневмонии в январе 1892 года. Однако этому не суждено было совершиться – Аликс была непреклонна.

Вскоре после того как Георг посватался к Марии (Мей) Текской, безутешной бывшей невесте Эдди, стало также совершенно ясно, кому безраздельно принадлежит сердце Аликс. Она ни о ком не желала слышать, кроме русского царевича. Королева Виктория с нарастающим беспокойством следила за тем, как вероятность этого брака укреплялась. Королева со времен Крымской войны крайне недоверчиво относилась к России, считая бывшего противника Великобритании «ненадежным» и «недружелюбным», а его многочисленное население «наполовину азиатским». Россия была «коррумпированной страной, где никому нельзя доверять»²⁵. Виктория писала увещательные письма старшей сестре Аликс, Виктории, требуя, чтобы они с братом Эрни вмешались и предотвратили этот брак: «Нельзя допустить, чтобы ваша младшая сестра вышла замуж за сына императора – это неудачный выбор, который не приведет к счастью... Состояние государства Российского настолько ужасно, настолько отвратительно, что в любой момент может произойти нечто непоправимое»²⁶.

А тем временем в России другая сестра Аликс, Элла, втайне противодействовала планам королевы расстроить этот брак. Она лично видела, как страдает безнадежно влюбленный Николай, и, несмотря на то что его отец Александр III с супругой также не поддерживали идею этого семейного союза, Элла его полностью одобряла. В разгар всех этих закулисных обсуждений ее будущего Аликс хранила упорное молчание. Ее связывал обет, данный ею отцу перед смертью, – никогда не менять своей веры. С тех пор, как умер герцог Людвиг, она еще более преданно, чем когда-либо, исполняла обязанности хозяйки Гессенского двора для брата Эрни. При внешней непроницаемости и холодной величавости Аликс, ее внутренний мир был основан на самостоятельно установленных высоких этических стандартах, среди которых – сердечная чистота, самостоятельность мышления и верность своим моральным принципам.

«Конечно, иногда я весела, иногда бываю, пожалуй, приятной, – призналась она как-то в разговоре с гостьей из Румынии. – Однако, скорее всего, я – вдумчивый, серьезный человек, который внимательно всматривается вглубь любого источника – не важно, прозрачны или темны его воды»²⁷. Но в этой высокой моральности и добродетельности был существенный изъян: Аликс еще не знала, что «добродетель должна быть располагающей»²⁸. Она слишком

серьезно относилась к себе и к жизни. А жизнь приготовила для нее много глубоких темных вод, в которые ей придется всматриваться в последующие годы.

* * *

В 1894 году еще одна королевская свадьба снова свела Аликс и Ники вместе. Ее брат Эрни наконец-то нашел себе подходящую невесту – свою двоюродную сестру Викторию Мелиту, дочь второго сына королевы Виктории, принца Альфреда, и многочисленная королевская семья Европы почти в полном составе собралась в апреле в Кобурге по случаю свадебного торжества. Именно здесь, после долгих искренних признаний и слезных уговоров Ники, Аликс дала согласие на брак с ним – при поддержке Эллы, которая незадолго до этого была обращена в православную веру. Возможно, была и другая причина: Аликс понимала, что после женитьбы Эрни ее положение при Гессенском дворе изменится. «Жизнь действительно будет для меня совсем другой, я буду чувствовать себя лишней», – говорила она королеве²⁹.

Следующие несколько месяцев показали, что ей и в самом деле не очень нравится играть вторую скрипку при новой невестке в роли великой герцогини, но брак с Ники был не только удачным выходом из этого положения. Аликс наконец смогла позволить себе быть счастливой. Она забыла про «все ужасные доводы против браков между двоюродными братьями и сестрами» (они с Николаем были троюродными) и запретила себе беспокоиться о «той страшной болезни, которой страдал бедный Фритти». «А за кого еще выходить замуж?» – спросила она подругу. По крайней мере, ей выпала великая удача выйти замуж по любви³⁰.

Любовь победила и бабушкину безапелляционность при выборе пары для Аликс. Королева Виктория быстро сменила свое прежнее недовольство, смирилась и со значительной личной потерей и неизбежным отдалением той, которую она считала своим ребенком, без сомнения, вспомнив, что и сама она когда-то, в далеком 1840 году, тоже вышла замуж по любви. Королева спрятала в дальние тайники души свои инстинктивные страхи о внучке, о том, что «трон, на который она восходит, очень шаток», о вероятности политических волнений и даже убийства, и сосредоточилась на том, что предстояло сделать³¹. Ее любимой Алики следовало подготовиться к обременительным общественным обязанностям, которые ждали ее в новой роли, и Виктория сразу же повелела, чтобы Алики провела с ней некоторое время в полном спокойствии в Англии.

Так и прошло лето: за мирным вышиванием, чтением, игрой на фортепиано и поездками с бабушкой для прогулок. Аликс также начала брать уроки русского языка у бывшей учительницы Эллы, Екатерины Шнейдер, которую специально прислали для этого из России. Кроме того, Аликс вела серьезные дискуссии с доктором Бойдом Карпентером, епископом Рипонским, о том, как примирить ее лютеранскую веру с обращением в православие.

Между тем со здоровьем у нее все было не так уж благополучно. Аликс уже страдала от приступов ишиаса, эти боли будут преследовать ее всю жизнь. Это не могло не тревожить бабушку и других родных девушки. «Аликс опять хромает и не может ходить, ей пришлось даже ехать к церкви, – писала герцогиня Саксен-Кобургская⁵ своей дочери, увидевшая Аликс во время своего визита в Англию. – Какое слабое у нее здоровье!»³² Ходили также слухи, что Аликс унаследовала болезненность и нервность матери.

Этот факт не стоило бы предавать широкой огласке, ведь жена будущего наследника российского престола должна была, паче всего остального, отличаться крепким здоровьем, чтобы

⁵ Речь идет о бывшей великой княгине Марии Александровне, дочери Александра II, которая вышла замуж за сына королевы Виктории, принца Альфреда. Она приняла титул герцогини Эдинбургской и носила его до тех пор, пока Альфред в 1893 году не унаследовал трон герцогства Саксен-Кобургского и Готского после отречения его старшего брата Берти от престола (здесь и далее примечания автора приводятся без специального указания на авторство).

произвести на свет здоровых детей. Аликс также страдала хроническим отитом, у нее бывали частые головные боли на нервной почве, переходящие в мигрень. Кроме того, у нее было плохое кровообращение. Но настоящей проблемой для девушки был именно ишиас, который часто причинял такую боль, что Аликс не могла ходить, ездить или играть в теннис. Аликс редко жаловалась на свои «несчастливые ноги», однако из-за болей в ногах ей часто приходилось часами лежать или полусидеть на диване³³.

Европейская пресса прознала о ее проблемах со здоровьем и уже некоторое время муссировала слухи об этом, пока летом 1894 года не было сделано официальное заявление о том, что сообщения о слабом здоровье принцессы «абсолютно беспочвенны и не имеют никаких оснований».^[34]

Но королева Виктория не хотела рисковать. Она всегда внимательно относилась к своему собственному здоровью и свято верила в несомненную пользу соблюдения постельного режима при каждой возможности. Королева глубоко сожалела, что «строгий режим дня, а также диета» не были прописаны Аликс раньше (в этом она винила семейного врача в Гессене, «глупого человека», по ее мнению), а также о том, что ей не удалось взять с собой внучку в Балморал осенью предыдущего года для отдыха и лечения – ведь в Балморале был «лучший воздух на свете».

Однако Аликс еще некоторое время назад поняла, что в Шотландии ей чуточку «тесновато»³⁵. У королевы не вызывало сомнений, что все эмоциональные перегрузки и напряжение, пережитые юной принцессой до и во время помолвки с Ники, «очень подорвали ее нервную систему», поэтому 22 мая, как только Аликс приехала из Дармштадта, она была немедленно отправлена на курорт Харрогит на воды.

Аликс прибыла туда инкогнито, под именем «баронессы Штаркенбург», однако это никого не ввело в заблуждение. Информация скоро просочилась в прессу, дав новую пищу для спекуляций. «Будь принцесса Аликс в полном здравии, с чего бы ей запереть себя в глуши, на водах в Йоркшире, в самый разгар лондонского сезона?» – так комментировала новость о поездке Аликс на курорт газета «Вестминстер баджет».

*«Стремление двора опровергнуть сообщения прессы о слабости здоровья принцессы Аликс, несомненно, свидетельствует об опасениях, что подобная информация может привести к разрыву помолвки. Поскольку непременным условием брака с наследником престола России является крепкое здоровье будущей супруги, то правилами семьи Романовых запрещается заключение брака с невестой, не отличающейся хорошим здоровьем»*³⁶.

Однако, несмотря на назойливое внимание прессы к пребыванию Аликс на водах, те четыре недели, которые она провела там, оказались приятными. Принцесса поехала в Харрогит в сопровождении фрейлины Гретхен фон Фабрис. Ей удалось с домашним уютом обустроить просторную виллу с террасой на Проспект-Плейс в Верхнем Харрогите, респектабельной и популярной части города.

Тем не менее, каждое утро принцессе приходилось проезжать на инвалидном кресле сквозь строй посторонних любопытных глаз (некоторые даже рассматривали ее в бинокль). Они неотрывно смотрели, как она спускалась с холма в своей каталке и ехала в купальню «Виктория», где принимала серные или грязевые ванны или пила сернистую, с резким запахом, воду.

Днем, завершив процедуры, в специальном инвалидном кресле «Ковентри», представлявшем собой кресло-каталку и велосипед одновременно, Аликс ездила на экскурсии полюбоваться местными красотами и подышать бодрящим йоркширским воздухом. Следом за ней на подобающем расстоянии ехал на велосипеде детектив³⁷.

Вскоре, однако, Аликс придумала способ «уходить от преследования», как она рассказывала Ники: «Они стоят скопом и ждут, чтобы посмотреть, как я выеду и буду пробираться

сквозь толпу. Тогда я выхожу и сажусь в коляску на заднем дворе; они следят за парадной дверью, потом они вдруг видят меня – и все устремляются за мной, чтобы поглазеть на меня... Когда я захожу в магазин, чтобы купить цветы, девушки-продавщицы встают у окна и разглядывают меня»³⁸.

Все это смущало Аликс и лишало ее душевного равновесия, потому что в инвалидной коляске она чувствовала себя вдвойне уязвимой. Почти все то время, что она провела в Харрогите, шли сильные дожди, поэтому боль в ногах к концу лечения на водах почти по-прежнему мучила ее. Но Аликс была неизменно весела и приветлива и со своими слугами, и с местными людьми, которых она встречала. Все они запомнили ее «улыбчивой и скромной, без тени холодности или высокомерия»³⁹.

Вскоре после прибытия в Проспект-Плейс Аликс с восторгом узнала, что у хозяйки этого дома, миссис Аллен, только что родились двойняшки, мальчик и девочка. Она решила, что это хороший знак, и попросила разрешения взглянуть на детей.

Вообще, Аликс чувствовала и вела себя в этом доме очень просто, без всякого официоза, настаивая на том, чтобы все домашние обращались с ней, как с простым, обычным человеком. Она то *«пела и порхала по дому, как счастливая английская девушка, приехавшая из школы домой, то появлялась в своей спальне и, вполносив прислугу, помогала ей застилать кровать, то вдруг возникала на пороге кухни, мягко постучав, и деликатно спрашивала: «Позвольте войти» – миссис Аллен от неожиданности вздрагивала – и с удовольствием укачивала сулящих счастье близнецов. Иногда Аликс, повернувшись спиной к очагу, стояла, как настоящий йоркширец, и разговаривала о том о сем, глядя, как идет приготовление еды, или вела продолжительные беседы с баронессой Фабрис о том, как лучше одевать и обучать детей»*⁴⁰.

По просьбе Алленов Аликс согласилась стать крестной близнецов. Крещение состоялось 13 июня в церкви Святого Петра в Харрогите. Детям были даны имена Николас Чарльз Бернارد Гесс и Аликс Беатрис Эмма. После крещения принцесса Аликс, кроме щедрых подарков из золота, преподнесла детям свою фотографию и фотографию своего жениха, чтобы, когда дети вырастут, они смогли посмотреть, в честь кого они были названы⁶.

Это было счастливое, преисполненное надежд вступление к собственной будущей жизни в новом качестве жены, в окружении детей, о которых она так мечтала. И это было время, когда принцесса Аликс была самой собой – открытой, любящей и щедрой к тем, кто был значим для нее в ее частном, домашнем мире.

В середине июня в Англию к Аликс приехал Ники, который, как он писал своей матери, наконец с восторгом оказался «в объятиях моей суженой, которая показалась мне еще прекрасней, еще дороже, чем раньше»⁴¹. Они провели три дня в полной идиллии в замке Уолтон на берегу Темзы в гостях у сестры Аликс, Виктории, и ее мужа Людвига Баттенберга. Ники и Аликс гуляли или сидели в тени каштанов, Николай читал вслух, а Аликс шила; или катались (в это время, в виде исключения, их никто не сопровождал).

Затем они поехали в Виндзор к королеве и вместе с ней отправились в замок Осборн. В это время к ним присоединился духовник Николая, отец Янышев, специально приехавший из России для подготовки Аликс к принятию православной веры. Ему пришлось нелегко: Аликс была взыскательной и пытливой ученицей. Благодаря своему евангелическому воспитанию Аликс не воспринимала религиозное учение как догму и категорически отказывалась официально отречься от лютеранской веры при переходе в православие, считая такой поступок еретическим. Необходимо было найти компромисс.

⁶ Год спустя, когда близнецам исполнился год, Аликс прислала им в подарок российские золотые столовые приборы с эмалью тонкой работы, кольца для салфеток и солонки с императорским гербом и инициалами детей, а также два одинаковых детских платяшка: одно розового, а другое голубого цвета, которые для них Аликс сшила сама. Позже близнецы получили подарки из России в 1910 году по случаю конфирмации и в 1915 году, когда им исполнился двадцать один год.

Свадьбу планировали устроить весной 1895 года, поэтому Аликс рассчитывала провести еще несколько спокойных месяцев у себя дома в Гессене, чтобы подготовиться. Но эти планы пришлось срочно изменить, когда из России пришло известие, что Александр III тяжело болен и вряд ли проживет долго. Теперь он больше не возражал против брака своего сына с Аликс и пожелал, пока жив, повидаться с ней.

Аликс спешно покинула Гессен и поехала на юг, в Крым, в Симферополь. В этой дальней поездке ее сопровождала верная Гретхен. После того как Аликс прибыла во дворец Романовых в Ливадии и встретила там с Ники, умирающий царь благословил молодую чету.

Александр умер 20 октября⁷, а на следующий день Аликс официально приняла православие. После смерти отца царем стал Николай. Необходимо было определить время и место бракосочетания царской четы. Им хотелось бы провести эту церемонию в домашней обстановке Ливадийского дворца без лишней шумихи⁴². Но российские великие князья возражали: в соответствии с протоколом императорского двора торжественная церемония бракосочетания правителя России должна была состояться в столице. И вот в пронизывающем холоде Санкт-Петербурга, после изнурительного траура по скончавшемуся императору, который соблюдался при дворе в течение трех недель, 14 ноября в присутствии сотен приглашенных гостей в церкви Зимнего дворца произошло венчание Николая II и Александры Федоровны.

В этот день Аликс выглядела прекрасной и спокойной, как никогда: высокая и статная, в белом платье из серебряной парчи. Накинута на плечи золотая императорская мантия с длинным шлейфом, богато отороченная горностаем, подчеркивала красоту ее фигуры, а сияние усыпанного бриллиантами свадебного венца усиливало прозрачность голубых глаз и переливалось в рыжевато-золотых волнистых волос. Ее вид произвел глубокое впечатление на английского посланника лорда Каррингтона. «Она выглядела именно так, как должна, по общему мнению, выглядеть русская императрица, идущая к алтарю», – написал он королеве Виктории⁴³. Другие свидетели этого торжественного события отмечали, что принцесса с ее величавой фигурой оказалась выше своего низкорослого и более хрупкого на вид супруга и удивительным образом производила впечатление физически более сильной и духовно более цельной женщины – «в этом было ее значительное превосходство над привычным образом великой княгини»⁴⁴.

Было, однако, что-то в настороженном, нерадостном выражении глаз невесты и в напряженной линии тонких губ, что говорило о другом – о том, что сильная, волевая личность пытается бороться с природной застенчивостью, и о яростном нежелании пребывать на всеобщем обозрении после стольких лет по-домашнему простого и приватного образа жизни при Гессенском дворе. Аликс выдержала эту пытку, но под конец дня свадьбы, так же, как когда-то ее бабушка Виктория, она рано ушла спать, мучаясь головной болью. Тем, кто принимал участие в торжествах в тот день, например княгине Радзивилл, это событие запомнилось как «одно из самых печальных зрелищ, что доводилось видеть».

Во время правления властного императора Александра III русская аристократия жила спокойно, чувствуя себя в безопасности, но это чувство защищенности исчезло после его безвременной смерти, взамен появилось «ощущение надвигающегося бедствия»⁴⁵.

Молодые пробыли еще несколько дней в довольно тесных холостяцких апартаментах Николая в Аничковом дворце в Санкт-Петербурге. В их помещениях в Зимнем дворце еще шел косметический ремонт. Затем молодожены отправились в Александровский дворец в Царском Селе. Они устроились в апартаментах вдовствующей императрицы в восточном крыле, где в 1868 году родился Ники, и провели там четыре чудесных дня в полном уединении, «рука об

⁷ Все события, происходившие в России до февраля 1918 года, даются по старому стилю (по юлианскому календарю). Там, где может возникнуть разночтение, в скобках добавлены даты по новому стилю.

руку и сердце к сердцу», по словам Ники из письма его шурину Эрни⁴⁶. Аликс тоже написала брату незадолго до свадьбы, заверяя его: «Я так счастлива и никогда не смогу возблагодарить Господа в полной мере за то, что он даровал мне такое сокровище, как мой Ники»⁴⁷. Скромная и серьезная Аликс Гессенская, которую даже ее собственная бабушка называла «маленькой немецкой принцессой», не знавшая ничего, кроме тесного мирка небольшого немецкого княжества, выиграла самый большой приз в королевской гонке невест и получила в мужа самого богатого человека того времени⁴⁸.

Но спешно прибывшая из Дармштадта в Россию новая царица пребывала в полном неведении об обычаях и поверьях страны, плохо знала русский язык и только что совершила резкую перемену своих религиозных воззрений, перейдя от воинствующей строгости благочестивого лютеранства в мир мистических и пышных обрядов русского православия. Культурный разрыв был огромным. Принцесса Аликс Гессенская столкнулась с теми же проблемами, но в гораздо большей степени, что и ее мать, когда та впервые оказалась в Дармштадте, и – в какой-то степени – ее дед, принц Альберт, который одиноким и тоскующим по дому юношей из Кобурга вошел в чуждый мир английского двора пятьдесят четыре года назад. Новая для Аликс страна относилась к ней настороженно, как к немке и незваной гостье, пятой в череде принцесс немецкой крови, ставшей русской императрицей за какие-то сто лет. Так и Англия когда-то отнеслась к Альберту, неизвестному князьку из Саксен-Кобурга.

При всей искренности, с которой Аликс восприняла православие, она, тем не менее, по-прежнему оставалась, по сути, англичанкой, мыслила и чувствовала как англичанка. Английский серьезный и прагматичный подход к семейной жизни был привит ей с детства, воспринят ею от матери, а той, в свою очередь, от своей матери. Такое переданное по наследству воспитание очень пригодилось бы ей, если бы дальнейшая жизнь Аликс протекала в знакомой обстановке западноевропейской культуры. Но Россия, известная своей бурной историей и чрезмерным богатством и пышностью императорского двора, несмотря на завораживающую красоту этой страны, уже полюбившуюся молодой царице, была ей по-прежнему неведома. Обстановка в имперском Санкт-Петербурге конца XIX века разительно отличалась от милого уюта жизни в Сан-Суси и идиллии розовых садов Дармштадта.

И все-таки ради любви «нежная и простодушная Алики» собрала все свое мужество и покинула тихий и мирный кров своего брата в Дармштадте, чтобы стать «великой императрицей России»⁴⁹. С настороженностью воспринимая непривычный уклад придворной жизни, с которым теперь пришлось столкнуться, Аликс решительно закрыла доступ в свой маленький домашний мирок любым проявлениям этого враждебного внешнего мира и всего того, что ее в нем пугало. Вместо этого она еще больше привязалась к тому, что оставалось близким и привычным, в чем она черпала утешение, и с удовольствием вживалась в роль «преданной женушки» Николая. А весь мир и Россия могли пока подождать.

Могли подождать во всем, кроме одного. Вскоре после смерти Александра III Николай издал указ, в котором повелевал всем своим подданным принести присягу на верность своему новому царю. Этим же указом император возложил на своего младшего брата, великого князя Георгия Александровича, титул цесаревича, «пока Бог не благословит наш будущий союз с принцессой Аликс Гессен-Дармштадтской рождением сына»⁵⁰. По заведенному порядку вещей, основным и самым насущным долгом Аликс перед династией Романовых было родить наследника российского престола.

Глава 2

Маленькая княгиня

С первых же дней в России принцесса Аликс Гессенская приготовилась противостоять всему, что воспринималось ею как угроза спокойной семейной жизни с Ники, какой она ее себе представляла. Семья была ее единственным оплотом, когда смерть забрала самых дорогих ей людей. Теперь, когда Аликс была далеко от дома, одинокая и настороженная, ее очень пугала необходимость и перспектива становиться объектом всеобщего любопытства. Аликс пыталась защитить свою тщательно скрываемую уязвимость, при каждой возможности скрываясь из поля зрения общественности. Однако это выглядело как холодная отстраненность, уже подмеченная всеми, что было совсем не в ее пользу. Александра Федоровна, как ее теперь звали, оказалась под прицелом враждебных взглядов русской аристократии, которая была критически настроена по отношению к ней, к ее английским манерам и воспитанию, к плохому знанию французского (о ужас!), все еще преобладавшему в то время в кругах русской элиты¹. Хуже того: эта малоизвестная немецкая принцесса, по мнению двора, вдруг отодвинула на задний план всеми обожаемую, светскую и приятную бывшую императрицу Марию Федоровну (которая была в то время все еще очень энергичной вдовой около пятидесяти лет) и заняла центральное положение при дворе.

С самого начала исполнение обязанностей на придворных церемониях было для Александры почти непереносимо. Так, в январе 1895 года во время церемонии целования руки на новогоднем балу перед ней выстроились в ряд 550 придворных дам, каждая из них должна была поцеловать императрице руку. Признаки видимого дискомфорта и судорожное желание отодвинуться, когда кто-нибудь пытался подойти слишком близко, были сразу превратно истолкованы как свидетельства трудного характера. Ее новая невестка, великая княгиня Ольга Александровна, позже вспоминала: «Даже в тот первый год, я это хорошо помню, стоило Алики улыбнуться – это называли насмешкой. Если же у нее был серьезный вид – говорили, что она сердита»². Так что ее реакцией на все это было укрыться в своем домашнем мирке. Но ее главной заботой было понести ребенка, все от нее ждали этого, старались подметить явные признаки беременности. Великий князь Константин Константинович многозначительно отметил в своем дневнике через несколько недель после свадьбы, что «молодой императрице опять сделалось дурно в церкви. Если это происходит от причины, желанной всей Россией, то слава Богу!»³. Совершенно точно, что к концу февраля Александра призналась в письме к брату Эрни (его жена в Дармштадте должна была вот-вот родить своего первого ребенка, Александра отправила к ней придворную акушерку мадам Гюнст): «*Думаю*, что теперь я могу надеяться – больше нет некоторых обычных явлений, и мне так кажется... О, просто не могу в это поверить, это было бы слишком хорошо и слишком большое счастье». Она велела Эрни сохранить это в тайне. Сестра Элла и так уже «проявляла любопытство на этот счет в декабре», и другая сестра, Ирэна, тоже, но им она скажет тогда, когда сочтет нужным⁴. Что же касается старой няни, которую Александра привезла с собой из Дармштадта, то «Орчи ухаживает за мной все время самым назойливым образом». Спустя неделю после этого письма Александра «ежедневно чувствовала такую слабость», что не смогла присутствовать на похоронах молодого великого князя Алексея Михайловича, который умер от туберкулеза. Да и позже Александра часто была прикована к постели, ее мучила сильная тошнота⁵. Иногда Орчи уговаривала ее съесть хоть кусочек бараньей отбивной, но чаще всего это заканчивалось тем, что Александра стремительно выбегала из-за стола и ее рвало. Она боялась, что за ней следят, выискивая признаки ее пресловутого слабого здоровья, и снова умоляла Эрни никому не рассказывать о том,

как ей утром было плохо⁶. До самого окончания срока беременности царская официальная служба охраняла здоровье и благополучие Александры стеной цензуры, в российской прессе не было никаких объявлений и бюллетеней по данному вопросу, и простые люди вообще ничего не знали о состоянии императрицы.

В то время молодые еще жили в Аничковом дворце в Петербурге. Александра намеренно проводила все свои дни здесь, сидя в большом кресле в углу за ширмой, наполовину скрывавшей ее от посторонних глаз. Она читала «Дармштадтер цайтунг», занималась шитьем и живописью, пока ее обожаемый муж вел дела своего «несносного народа». По утрам ей было тяжело переносить отсутствие Ники по присутственным делам даже всего пару часов (отголоски солипсизма ее бабушки Виктории, которая не выпускала своего дорогого Альберта из поля зрения). Но днем ничто не мешало ей наслаждаться его обществом: «Обычно, пока он читает кучи документов от своих министров, я просматриваю прошения, которых бывает немало, и вырезаю марки» (вырезать марки было данью ее врожденной немецкой бережливости)⁷. Государственные дела казались надоедливым занятием – «ужасная скука»⁸. Вечера она проводила, слушая, как Ники читает ей вслух, а затем, когда он уходил к себе в кабинет еще поработать с документами, Александра коротала время, играя в настольную игру «уголки» со своей свекровью до тех пор, пока Ники не возвращался, чтобы еще почитать перед сном. Те немногие официальные обязанности, которые Александра все же должна была выполнять (встречи иностранных депутатов или приветствие выстроившихся в ряд министров), были ей теперь особенно тягостны, потому что ей в целом ужасно нездоровилось и ее мучили постоянные головные боли.

Тем не менее, царица имела все основания с уверенностью рассчитывать на рождение долгожданного сына к концу года. Статистика показывала, что в семьях предыдущих трех царей династии Романовых рождалось много мальчиков. Наличие детей мужского пола имело решающее значение в стране, где законы наследования, измененные в 1797 году по указу царя Павла I, были основаны на преимущественном праве наследования престола по мужской линии⁹. Женщина могла взойти на российский престол только в случае смерти всех законных наследников престола по мужской линии. Но в то время в России, помимо Николая, было двое его родных младших братьев, Георгий и Михаил, они были бы следующими по праву наследования; кроме них, было еще несколько великих князей с многочисленными сыновьями.

С нетерпением ожидая рождения ребенка, Александра взялась за создание уютного семейного дома для себя, Ники и будущих детей, чего никогда не пыталась сделать ни одна русская императрица до нее. Обоим супругам нравился Александровский дворец в Царском Селе, удачно расположенный вдали от излишне любопытного Санкт-Петербургского общества. «Здесь чудесно: спокойно и тихо, – рассказывала Александра брату Эрни. – Чувствуешь себя совершенно другим человеком, чем в городе»¹⁰. Они с Николаем не захотели размещаться в семейных апартаментах Александра III в восточном крыле, вместо этого они выбрали несколько запущенное и скудно обставленное западное крыло – ближе к дворцовым воротам. Интерьеры этой части дворца предполагалось оформить безо всякой пышности, ни в коем случае не в имперском стиле. После проведения ремонта в соответствии с простым провинциальным вкусом Александры здесь должны были быть созданы, по ее представлению, идеальные условия для жизни домохозяйки и преданной матери семейства. Для этого дома была заказана простая современная мебель, похожая на ту, что была в Дармштадте, мебель, знакомая ей с детства. Ее заказали в Лондоне, в английской компании «Мейплз», которая занималась производством мебели и вела торговлю мебелью в магазине на Тоттенхэм-Корт-роуд. Атмосфера этого намеренно ориентированного на семейный быт дома, в котором Николай II и Александра Федоровна проведут большую часть своего времени, помимо обязательных зимних сезонов в Санкт-Петербурге с Рождества до Великого поста, должна была соответствовать

уютному викторианскому стилю, быть такой, какая могла бы понравиться бабушке, королеве Виктории. Санкт-петербургское общество, безусловно, пришло в ужас от буржуазных вкусов новой царицы, поскольку она велела российскому дизайнеру интерьеров, Роману Мельцеру, перестроить их помещения во дворце в стиле модерн (ар-нуво), популярном в то время в Германии, а не в классическом стиле, в соответствии с расположением и внешним видом дворца.

Летом 1895 года стояла невыносимая жара. По мере течения беременности Александры усиливался и дискомфорт, который ей приходилось испытывать, поэтому она была рада оказаться на свежем морском воздухе Нижней дачи в Петергофе, расположенном в парке Александрия, одном из шести английских ландшафтных парков этого загородного дворцового ансамбля. На Нижней даче был особый, уединенный мир, вдали от золотых куполов дворца Петра Великого с его каскадом фонтанов и декоративных садов. Двухэтажное с башенками здание дачи в очаровательном, ненавязчивом стиле было выстроено из красного и кремового кирпича, выложенного чередующимися горизонтальными полосами. В период с 1883-го по 1885 год по указанию Александра III оно было надстроено до четырех этажей и приобрело при этом вид итальянского павильона с балконами и застекленными верандами. Но оно по-прежнему оставалось довольно высоким, с узкими небольшими комнатами и низкими потолками, что создавало впечатление приморской виллы, а не царской резиденции. Это место, однако, оказалось на редкость идиллическим: затерянное в дальнем северо-восточном конце парка, за рощей тенистых сосен и лиственных деревьев и с видом на усыпанной валунами берег Финского залива. Сам парк, где росли в изобилии дикie цветы и водилось много кроликов и зайцев, был отгорожен забором высотой 7 футов (2 м), на каждых 100 ярдах (90 м) вдоль него были выставлены солдаты с примкнутыми штыками, а внутреннюю территорию патрулировали конные казаки из царского конвоя, личная охрана Николая, которая следовала за ним повсюду¹¹. Нижняя дача была окружена газонами и цветниками из лилий, мальвы, мака и душистого горошка. Это напоминало Александре прекрасные сады Вольфсгартена, охотничьего домика Эрни в самом сердце гессенских лесов, и она чувствовала себя в безопасности, как дома. Предвидя, что в дальнейшем здесь потребуется больше комнат, Николай приказал пристроить дополнительное крыло. Интерьер предполагалось сделать таким же, как в новой резиденции супругов в Царском Селе, только в более скромном масштабе, с простой, по большей части белой мебелью и знакомыми ситцевыми занавесками. И повсюду, как всегда – характерная черта домашнего обихода Александры: «на столах, на кронштейнах, на любой свободной поверхности... расставлены кувшины, вазы и чаши, полные свежими, только что срезанными, благоухающими цветами»¹².

С июня по сентябрь Александра провела время в абсолютном уединении в Петергофе. Ее беременность была изнурительной, ребенок был очень активным. Александра писала Эрни в июле: «Моя крошка иногда прыгает, как сумасшедшая, и от этого у меня начинает кружиться голова, а во время ходьбы время от времени делает толчки [sic] (внизу живота)»⁸¹³. Александра по большей части отдыхала на диване, глядя на море, или осторожно совершала ежедневные прогулки и поездки с Ники, а остальное время посвящала рисованию и живописи, изготовлению стеганых одеяльцев и детской одежды. «Какая это, должно быть, радость – иметь собственного маленького сладкого крошку, – писала она в июле брату Эрни, в семье которого тогда уже был ребенок, дочь Элизабет. – Я с огромным нетерпением ожидаю тот момент, когда Бог даст нам нашего – это будет такое счастье и для моего дорогого Ники... У него так много печалей и забот, что появление собственного крошечного малыша очень приободрит его... Такой молодой – и на таком ответственном посту. Ему приходится бороться со многим»¹⁴.

⁸ Орфография Александры была чрезвычайно своеобразной, а грамматические ошибки она делала просто потому, что писала в спешке. Все случаи опечаток и грамматических ошибок в цитатах из ее писем и дневников помечены «sic» («так в оригинале»).

В конце августа апартаменты в Царском Селе были готовы. Несмотря на скромные размеры дворца и его парковой зоны длиной 14 миль (22,5 км) по периметру, для его обслуживания потребовалось 1000 человек прислуги и придворных чиновников и еще больше солдат в гарнизоне для охраны¹⁵. Александре нравились ее новые комнаты. Она с удовольствием, хотя это и доставляло ей физические неудобства, занималась раскладыванием детского приданого. «Надеюсь, мне не придется ждать еще долго, вес и активность младенца становятся весьма сильными», – писала она Эрни¹⁶. В конце сентября у нее случился приступ острой боли в животе. Немедленно послали за госпожой Гюнст и сразу же вызвали доктора Дмитрия Отта, директора Санкт-Петербургского института акушерства и наиболее влиятельного гинеколога в России того времени. Незадолго до этого они вдвоем принимали роды первого ребенка Ксении, сестры Николая¹⁷. Между тем Александра озаботилась вопросом поиска няни для ребенка. Как и Ксения, она хотела, чтобы няня была англичанка: «Если только я смогу найти кого-нибудь, они зачастую боятся ехать так далеко, а еще у них самые фантастические представления о диких русских и еще Бог знает какие глупости. Горничная в детской, разумеется, будет русской»¹⁸.

И Николай, и Александра были убеждены, что ребенок должен родиться примерно в середине октября, но к моменту приезда Эллы из Москвы в конце месяца этого так и не случилось. Она нашла Аликс «на удивление похорошевшей; слава Богу, лицо округлилось, и цвет лица такой здоровый, лучше, чем я наблюдала годами», – сообщала она королеве Виктории. Эллу беспокоило, что ребенок будет «скорей всего огромный», но Аликс изменилась в лучшую сторону, «весела, совсем как ребенок, и тот ужасно печальный вид, который после папиной смерти был так для нее характерен, растворяется в ее постоянных улыбках»¹⁹.

Николай тщательно следил за состоянием жены. «Детка сместилась ниже, и от этого ей очень неудобно, бедняжке!» – писал он матери²⁰. Он был так озабочен этим неуклонно приближающимся событием, что надеялся, что министры не будут заваливать его в это время работой. В ожидании сына они с Александрой уже выбрали для него имя Павел. Марии Федоровне, однако, этот выбор совсем не нравился из-за ассоциации с Павлом I, которого убили. Но ей очень хотелось быть вместе с молодой семьей, когда начнутся роды: «Конечно, вы дадите мне знать, как только появятся первые признаки, не так ли? Я тут же помчусь к вам, мои дорогие дети, и не буду вам мешать, разве что, пожалуй, буду, как полицейский, следить, чтобы все остальные держались подальше»²¹.

Размер и положение плода причиняли Александре такие ужасные боли в спине и в ногах, что ей часто приходилось проводить большую часть дня в постели или лежа на диване. «Ребенок все никак не родится – уже на подходе, но пока не желает появляться. Я так жду этого, с таким нетерпением», – сообщала она Эрни²². Доктор Отт теперь оставался на ночь, а мадам Гюнст находилась тут последние две недели. Поскольку из официальных источников не поступало никаких сведений о течении беременности российской императрицы, за рубежом ходило множество слухов, как и во времена, предшествовавшие ее браку. Распространение слухов и сплетен вызвало жесткую отповедь британской прессы, основанную на известиях из «хорошо информированных источников в Дармштадте и Берлине»:

*«Несмотря на некие тревожные слухи, которые распространяются относительно состояния здоровья императрицы России, а также заявления о том, что будут приглашены некоторые другие врачи, корреспондент в Санкт-Петербурге утверждает, что Ее Императорское Величество, согласно заключению ее доктора, чувствует себя очень хорошо и не испытывает ни потребности, ни желания приглашать каких-либо посторонних консультантов»*²³.

3 ноября около часа ночи у Александры наконец начались схватки. У ее постели были Элла с Марией Федоровной. Как позже сообщала Элла королеве Виктории, они «осторожно растирали ей спину и ноги, это помогало ей немного расслабиться»²⁴. Александра была благодарна им за присутствие. Она была рада и присутствию мужа в течение всех двадцати часов, пока длились роды. В это время Николай то и дело не мог удержать слез, а его мать часто молилась коленопреклоненная²⁵. Наконец в 9 часов вечера «мы услышали детский вскрик, и все с облегчением выдохнули», – вспоминал Николай²⁶.

Однако это был не долгожданный мальчик, а девочка. И предположения Эллы были правильными: «Ребенок огромный, но она была весьма отважна и терпелива, и Минни [Мария Федоровна] была ей большим утешением, подбадривая ее»²⁷. Девочка весила 10 фунтов (4,5 кг). Потребовалось все мастерство доктора Отта и госпожи Гюнст, чтобы помочь родам, пришлось применить эпизиотомию и щипцы под хлороформным наркозом²⁸. Как писал Николай в своем дневнике, это был «день, который я буду всегда помнить»; он «очень страдал» при виде родовых мук жены. Их дочь, которую они называли Ольгой, казалось настолько крупной, что, как он отметил, была совсем не похожа на новорожденную²⁹.

Королева Виктория узнала новость с огромным облегчением: «В Карлайле получила телеграмму от Ники, где говорилось: «Дорогая Аликс только что родила прекрасную огромную дочку, Ольгу. Мою радость не выразить словами. Мать и ребенок чувствуют себя хорошо». Я так благодарна»³⁰. Еще большей радостью было узнать от Эллы, что «счастье, что у них родился ребенок, ни на минуту не было омрачено тем, что это девочка»³¹. Николай действительно не замедлил озвучить радость обоих родителей в связи с рождением дочери, позже эта мысль широко тиражировалась в прессе. Получив поздравления камергера двора, он, как говорят, заметил: «Я рад, что у нас родилась девочка. Если бы это был мальчик, он бы принадлежал народу, а девочка принадлежит только нам»³². Молодые родители были совершенно счастливы. «Они так горды собой и друг другом и ребенком, им, кажется, лучше быть не может», – писала жена одного британского дипломата³³. «Для нас вопрос о поле нашего ребенка не стоит, – утверждала Александра. – Наш ребенок – это просто дар Божий»³⁴. Они с Николаем быстро и щедро вознаградили доктора Отта и мадам Гюнст, которые так умело и профессионально обеспечили благополучное рождение их дочери: доктор Отт был назначен лейб-акушером⁹ императорского двора, ему была вручена золотая табакерка, украшенная драгоценными камнями, и гонорар в 10 000 рублей (такой же суммой он будет пожалован после принятия родов каждого из детей Романовых). Евгения Гюнст каждый раз получала около 3000 рублей³⁵.

В семье Романовых (в более широком смысле) появление девочки, несомненно, вызвало чувство разочарования, высказанное великой княгиней Ксенией, которая полагала, что рождение Ольги «большая радость, хотя жаль, что это не сын!»^[36] Конечно, никакого беспокойства не выражалось в подверженной жесткой цензуре российской прессе. Весь Санкт-Петербург с большим нетерпением ожидал это событие, о котором должны были объявить пушечными залпами с берега Невы. Когда этот момент настал, «люди открывали окна, другие бросились на улицу, чтобы услышать и посчитать количество залпов». Но, увы, был дан только 101 залп, а не 301, как если бы родился первый сын и наследник³⁷. Эта новость стала известна во многих театрах Санкт-Петербурга как раз тогда, когда люди расходились после вечернего спектакля. Это «вызвало ожидаемое проявление верноподданнических чувств аудитории, по требованию которой несколько раз был исполнен гимн Российской империи»³⁸. В парижском районе, известном как «Маленькая Россия», в православном храме Святого Александра Нев-

⁹ Русский эквивалент звания лейб-медика императорского двора.

ского на рю Дарю в честь благополучного разрешения царицы от бремени был проведен благодарственный молебен.

Но британская пресса быстро подметила нотки разочарования в настроениях российских политических и дипломатических кругов. «Сын был бы более желанным, чем дочь, но дочь все же лучше, чем ничего», – прокомментировала газета «Пэлл мэлл»³⁹. В период, когда Россия и Англия по-прежнему были в какой-то степени политическими соперниками, газета «Дейли кроникл» задавалась вопросом: возможно ли, что маленькая Ольга «когда-то в будущем станет той зацепкой, которая положит начало англо-русскому взаимопониманию?» Было посеяно зерно сближения между российской и британской королевскими семьями, а что может лучше закрепить взаимное доверие, как не будущий династический брак?

5 ноября 1895 года в Санкт-Петербурге был объявлен царский манифест по случаю рождения великой княжны Ольги: «Поскольку мы считаем это прибавление Императорского дома знаком благословения, который дарован нашему дому и Империи, мы уведомляем об этом радостном событии всех наших верноподданных. Вознесем же наши общие горячие молитвы к Всевышнему, чтобы вновь родившаяся княжна росла в счастье и благополучии»⁴⁰. В честь празднования рождения дочери Николай объявил амнистию заключенным, отбывающим наказание по политическим и религиозным мотивам, – они получили помилование, было также объявлено о сокращении сроков наказания для уголовных преступников.

Но не все разделяли оптимистический взгляд на будущее Ольги. В самом начале нового, 1896 года во французской прессе появилось любопытное сообщение. Принц Дании Карл (который собирался вскоре жениться на Мод, принцессе Уэльской, дочери Берти, дяди Александры) захотел, по-видимому, показать «свое мастерство, составив гороскоп новорожденной царской дочери». В нем принц предсказал, что критическими периодами для здоровья Ольги будут «третий, четвертый, шестой, седьмой и восьмой годы» ее жизни. При этом, по мнению принца, нельзя было даже «гарантировать, что она доживет до последнего из названных периодов, но если все-таки доживет, то она, несомненно, достигнет и двадцати лет». Это позволит, как говорил в заключении принц, рассчитывать на «двенадцать лет спокойствия, за что можно уже благодарить судьбу», поскольку «совершенно определенно... что она не доживет до тридцати»⁴¹.

* * *

С момента рождения ее новой правнучки королева Виктория считала своей обязанностью, как крестной матери, найти для ребенка хорошую английскую няню – и немедленно озаботилась поисками подходящей кандидатуры. Королеву привело в ужас, что теперь уже Александра, как в свое время и ее мать Алиса, намерена сама кормить ребенка грудью. Эта сенсационная по тем временам новость быстро просочилась в британскую прессу. Было неслыханно, чтобы государыня, особенно русская императрица, кормила детей грудью. «Все россияне были поражены» этой новостью. На всякий случай, несмотря на решение императрицы, была выбрана также и кормилица для Ольги. Отбор проводился из «большого числа крестьянских женщин... которых привезли из разных областей страны». «Каждая из них должна была иметь не менее двух, но не более четырех детей, и предпочтительнее, чтобы кормилица имела смуглый оттенок кожи»⁴². При первых попытках грудного вскармливания у Александры, однако, все пошло не так, как предполагалось: Ольга не захотела брать грудь, и, как вспоминал Николай, все «окончилось тем, что Аликс очень удачно стала кормить сына кормилицы, а последняя давала молоко Ольге! Пресмешно!». «Со своей стороны я считаю, что [кормить своего ребенка грудью] – это самое естественное, что может сделать мать, и я думаю, что это превосходный пример!» – писал он вскоре после этого королеве Виктории⁴³.

Александра, как и следовало ожидать, став матерью, расцвела: весь мир для нее, как и для Николая, теперь сосредоточился на их обожаемой новорожденной дочери. Царь в восторге записывал все подробности ее жизни в своем дневнике: первый раз, когда она проспала всю ночь, не просыпаясь, как он помогал кормить и купать ее, появление у нее молочных зубов, в какую одежду ее одевали, сделанные им первые фотографии дочери. Ни ему, ни Александре, конечно, и в голову не приходило, что малютка Ольга, по правде говоря, была не самым красивым младенцем. У нее была большая, вытянутая голова с пучком светлых волос надо лбом, что вырос вместо длинных темных прядей, с которыми девочка родилась. Такая голова была слишком велика для ее тела, так что некоторым членам императорской семьи ребенок казался почти уродливым. Но Ольга была славным, пухленьким и счастливым младенцем, и восхищенные родители просто не могли на нее налюбоваться.

Утром 14 ноября 1895 года, в годовщину свадьбы ее родителей и на сорок восьмой день рождения вдовствующей императрицы, состоялись крестины новорожденной дочери императорской четы. Она была наречена Ольгой (в соответствии с принятым в русской православной церкви правилом давать при крещении только одно имя). Это было особенно радостным событием для императорского двора, так как оно знаменовало собой конец официального траура по императору Александру III.

Девочку одели в крестильную рубашку самого Николая II, ее привезли к храму Вознесения, императорской церкви в Царском Селе, в золоченой парадной карете, запряженной шестеркой белых лошадей, с эскортом из казаков царского конвоя. Статс-дама княгиня Мария Голицына несла Ольгу к купели на подушке из золотой парчи.

По традиции русской православной церкви, родители, Николай и Александра, в самой церемонии участия не принимали. На ней присутствовали члены Синода православной церкви, знатные царские родственники, дипломаты и иностранные высокопоставленные лица, все в полном парадном облачении. Было назначено семь восприемников младенца, в том числе королева Виктория и вдовствующая императрица. В большинстве своем они не смогли присутствовать на крещении лично, поэтому всех представляла Мария Федоровна, в соответствии с требованиями церемониала одетая в русское платье и украшенный бриллиантами кокошник. Ее окружали русские великие князья и княгини практически в полном составе.

Во время службы ребенка «три раза, по православному обряду, погружали в купель, а затем сразу же положили в розовую шелковую стеганую крыжму, обсушили и раздели, а затем передали на руки акушерке, которая тоже выглядела очень торжественно в нарядном шелковом платье»⁴⁴. После этого лицо, глаза, уши, руки и ноги Ольги были помазаны священным елеем, и Мария Федоровна трижды обошла с ней вокруг купели в сопровождении крестных отцов, поддерживавших ее, согласно традиции, с обеих сторон. По окончании церемонии Николай возложил на свою дочь орден Святой Екатерины.

Поскольку роды были достаточно тяжелыми, это неизбежно отразилось на состоянии здоровья Александры, которая очень ослабела, и врачи не разрешали ей вставать до 18 ноября. После этого она время от времени выезжала на прогулки в экипаже вместе с Ники. Тогда в Царском Селе гостили Эрни, брат Аликс, с женой Даки (так звали Викторию Мелиту в семье). Несмотря на то что они собирались пробыть в гостях всего неделю, Аликс проводила с ними не так много времени. Даки жаловалась в письмах к родным на скуку, на то, что Аликс была весьма отстраненной и без умолку говорила только о Ники, «все время безудержно хвалила его». Как результат, Даки пришла к выводу, что любому общению с родственниками ее невестка предпочитает уединение с мужем⁴⁵.

Аликс, конечно, ревностно относилась к тем считанным часам, которые она могла провести с Ники, ведь все остальное время она посвящала ребенку. Престарелая няня семьи, Орчи, всегда была под рукой, однако ей отводилась лишь символическая роль присмотра за детской. Уход за ребенком ей не доверили даже на те несколько дней, когда мадам Гюнст, которая в

течение трех месяцев оставалась при ребенке как патронажная медсестра, была больна⁴⁶. При-
сутствие акушерки Гюнст было поводом большого неудовольствия для старой няни. «Орчи
спала в голубой комнате и почти не разговаривала со мной, настолько она была обижена, что
ребенок не с ней», – сообщала Александра Федоровна Эрни⁴⁷.

Профессиональные английские няни были поборницами строгого следования заведен-
ному порядку. Им не нравилось, когда в их заранее определенные роли кто-либо вмешивается,
поэтому прибытие 18 декабря достойной миссис Инман, лично отобранной королевой
Викторией на должность няни для Ольги, было не очень радостным событием. Как отметил
Николай, его жена боялась, что «приезд новой няни-англичанки может поменять некоторым
образом порядок нашей семейной жизни». Что, конечно же, и произошло, ибо, как опять-таки
он был вынужден отметить, согласно правилам организации ухода за детьми из семей госуда-
рей, «нашей дочке придется переехать наверх, что довольно скучно и жаль»⁴⁸.

На следующий день после приезда миссис Инман ребенок был незамедлительно переме-
щен из спальни Николая и Александры на первом этаже в детскую спальню наверх, а Нико-
лай уже писал своему брату Георгию, жалуясь, что ему и Александре «не особенно понрави-
лось, как выглядит миссис Инман». «В ее лице есть что-то тяжелое и неприятное, – писал он
брату, – и, похоже, она женщина упрямая». И ему, и Александре показалось, что от нее «будет
много неприятностей», поскольку она тут же принялась наводить везде свои порядки: «Она
уже решила, что нашей дочери не хватает комнат и что, по ее мнению, Аликс слишком часто
появляется в детской»⁴⁹.

В то время единственным местом, где верноподданные могли бы увидеть своего государя
и государыню, был отнюдь не императорский двор в Санкт-Петербурге, а Александровский
парк Царского Села, где царственная чета катала свою малышку в детской коляске. Внешний
мир знал и того меньше. В британской прессе высказывалась надежда, что неформальный под-
ход царицы к материнству может дать положительный политический эффект: «Правильное
отношение, проявленное в решении молодой жены, будет более способствовать объединению
матерей России вокруг ее величества, чем многие более внушительные мероприятия супруги
царя. И благодаря их поддержке императрица сможет достигнуть многого»⁵⁰. Оптимистиче-
ская мысль, но этому не суждено было сбыться. Уже одно то, что императрица не произвела
на свет первенца-сына, стало причиной неудовольствия для многих россиян.

В новом, 1896 году, к своему ужасу, Александра была вынуждена оставить домашний
уют Александровского дворца и переехать в их недавно отремонтированные апартаменты в
Зимнем дворце на сезон¹⁰ в Санкт-Петербурге. Хотя Элла и помогала с обустройством этих
апартаментов, несветской и неопытной Александре решительно не понравилась величествен-
ная и торжественная атмосфера дворца. Не произошло и перемены к лучшему в отношениях
с миссис Инман.

*«Я совершенно не в восторге от кормилицы, – писала она Эрни, – она мила и добра с
ребенком, но просто как женщина она крайне неприятная особа, и это ужасно меня трево-
жит. У нее весьма неприятные манеры, она то и дело передразнивает людей, говоря о них,
кошмарная привычка, кот[орой] – было бы ужасно, если ребенок научится от нее, – и очень
упрямая (но и я тоже, слава Богу). Я предвижу нескончаемые неприятности и желаю только
одного – найти другую няню»[sic]*⁵¹.

К концу апреля Александра была вынуждена отказаться от грудного вскармливания
Ольги, так как нужно было подготовиться к предстоящей поездке в Москву на утомитель-
ную церемонию коронации. «Так грустно, что мне это все так понравилось», – призналась она
Эрни⁵². К этому времени властной миссис Инман было уже приказано собирать вещи. Николай

¹⁰ Имеется в виду зимний бальный сезон. – Прим. пер.

находил ее «несносной» и 29 апреля с удовольствием записал в дневнике: «Мы очень рады, что, наконец, отделались от нее». Материнство очень шло Александре, как отметила ее сестра Виктория Баттенберг, когда она приехала на коронацию в мае 1896 года.

«Аликс, – сообщала она королеве Виктории, – так хорошо выглядит и так счастлива, совсем другой человек, и превратилась в крупную, красивую женщину с румянцем на щеках и широкими плечами, Элла рядом с ней кажется маленькой. Время от времени у нее немного побаливает нога, и у нее периодически бывают головные боли, но и следа не осталось от того прежнего печального и понурого вида, который она имела раньше»⁵³.

Что касается маленькой Ольги, то Виктория считала, что ребенок «прекрасное и очень умное создание. Она особенно любит Орчи и широко улыбается всякий раз, когда видит ее»⁵⁴. Хотя Орчи была по-прежнему при детской, все еще слабо надеясь опять стать няней для ребенка, на замену миссис Инман, пока шел подбор кандидатуры на постоянную должность, была временно принята новая английская няня⁵⁵. 2 мая прибыла мисс Костер, сестра няни, которая служила у великой княгини Ксении. У мисс Костер был удивительно длинный нос, и Николаю не понравилось, как она выглядит⁵⁶. Однако вне зависимости от того, есть ли няня или ее нет, Александра решительно и настойчиво поступала по-своему, настаивая на том, чтобы ребенку «устроивали солевую ванну каждое утро в соответствии с моим желанием, поскольку я хочу, чтобы она была как можно сильнее, чтобы носить такое пухлое тело»⁵⁷. После напряжения московской поездки приближалось еще одно важное путешествие – посещение бабушки в замке Балморал, где можно было бы наконец официально представить ей ребенка.

* * *

Внешне поездка в Шотландию выглядела как совершенно частный семейный визит¹¹, но его организация и сопровождение стали настоящим кошмаром для британской полиции, у которой совершенно не было опыта обеспечения безопасности русских царей, неоднократно становившихся мишенями для убийц. Одновременно с прибытием российской императорской четы в британской прессе стали распространяться истеричные сообщения о «заговоре», возглавляемом американскими ирландцами-активистами, сотрудничающими с российскими нигилистами, «с целью осуществить динамитный взрыв», чтобы убить и царицу, и царя⁵⁸. К счастью, еще до начала визита «заговорщики» были арестованы в Глазго и Роттердаме, а предположения прессы о возможном нападении на царя позже оказались ошибочными. Однако испуг, вызванный этой шумихой, подчеркнул опасения за безопасность императорской четы – двух наиболее тщательно охраняемых монархов в мире. Накануне визита личный секретарь королевы сэр Артур Бигг проводил активные консультации с генерал-лейтенантом Чарльзом Фрейзером, инспектором столичной полиции, который представил специальный доклад. В нем говорилось о выделении детективов в дополнение к трем сотрудникам собственной охраны Николая. Десять полицейских должны были в течение всего визита патрулировать замок Балморал и его окрестности, работники железной дороги должны были патрулировать весь маршрут царского поезда, а все мосты и виадуки находились под наблюдением местной полиции. Помощник комиссара Роберт Андерсон признался Биггу, что он рад тому, что царь будет «в замке Балморал, а не в Лондоне. Мне было бы очень тревожно, если бы он был здесь»

¹¹ Хотя Николай и воспользовался визитом, чтобы провести ряд важных политических бесед с британским премьер-министром лордом Солсбери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.